

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ

12

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 12

«Автор»

«Автор»

2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 12 / Д. Сугралинов — «Автор»,
«Автор», 2026

В умелых руках и хрен — балалайка, вот и на Серегин санаторий кто только нынче не облизывается. Верные соратники становятся соперниками, компаньоны — конкурентами, и вся затея с санаторием вот-вот может рухнуть. А на Новый год к Сереге съезжаются все новые и новые персонажи. Так-то оно и ничего, спасибо Элен, подарков хватит на всех. Но вот кто эта странная старушка и с какой целью она сюда приехала? Примечания автора: Все описанные в книге медицинские ситуации, действия персонажей, комментарии о здоровье, питании и образе жизни представлены исключительно в художественных целях. Они не являются врачебными рекомендациями, не предназначены для самостоятельной диагностики или лечения и не заменяют консультацию квалифицированного специалиста. Перед применением любых методов, описанных в тексте, необходимо обращаться к врачу.

© Сугралинов Д., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Г	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Двадцать два несчастья. Книга 12

Глава 1

Мы с тетей Ниной удивленно переглянулись и заторопились на звуки зарождающегося скандала.

В коридоре стояла и истошно голосила крупная неопрятная женщина. Я сначала не понял, что случилось, но, приглядевшись, начал ее узнавать, и тут тетя Нина воскликнула:

— Да это же Смирнова!

Видя мое непонимание, добавила:

— Любовь Павловна, соседка, что живет через дорогу от дома Анатолия.

— А, точно, — вспомнил я.

Я ее видел всего пару раз. И в первый она была в драном халате, а во второй — в каком-то непонятном облачении. Поэтому узнать ее в приличном овчинном полушубке и добротной песцовой шапке смог далеко не сразу.

Любовь Павловна, поняв, что мы говорим о ней, еще громче заорала:

— Куда моего мужа дели? Убийцы! — И продолжала блажить на одной ноте: — Где Ерофей Васильевич? Верните мужа!

— Тише, тише, — сказал я. — Давайте разговаривать спокойно.

На эти истошные вопли выскочили Александра Ивановна, Элен и даже Прохор Евграфович выглянул из дальней комнаты. При виде последнего Любовь Павловна испуганно умолкла, икнула и перестала голосить.

— Прекрасно, — сказал я. — Успокоились или вам, может, корвалола накапать? Скажите, что конкретно вам нужно?

— Верните моего мужа! — уже более членораздельно заявила бывшая соседка.

— Да не вопрос, — сказал я.

А сам мысленно судорожно перебирал варианты, что ей сейчас говорить. Откуда-то она точно узнала, что ее мужа удерживают в санатории. Но возвращать его в таком состоянии чревато. Не дай бог она его таким увидит — проблем не оберешься.

Мне бы очень не хотелось, чтобы общественности, тем более полиции, стали известны подробности инцидента с Vasorelaxin-X, поэтому я посмотрел на нее строго и сказал:

— Вы немножко не так все понимаете, Любовь Павловна. Сейчас я вам все объясню, но только наедине. Давайте пройдемся вон там по дорожке, и я вам все расскажу.

— Никуда я с вами не пойду, — сердито поджала губы она.

— То есть вы хотите прямо здесь, в присутствии свидетелей, все услышать? — пожал плечами я. — Да, пожалуй, я могу и здесь все рассказать.

— Нет, ладно, одевайтесь, идем, — испуганно сказала она.

Я посмотрел на собравшихся и пожал плечами:

— Коллеги, мы немножко прогуляемся с Любовью Павловной, а вы все можете заняться своими делами.

Тетя Нина уже торопливо протягивала мне старый пуховик и вязаную шапочку. Я оделся, и мы с женой Ерофея направились во двор. Прошлись немножко по дорожке, и, когда углубились в лес так, что флигель скрылся из виду и стало понятно, что никто нас не услышит, я сказал:

— Любовь Павловна, я вам вот сейчас кое-что скажу, а вы уж сами принимайте решение. Вы понимаете, что Ерофей Васильевич, Федька и Колян украли один крайне специфический препарат?

— Да видела я этот порошок, — фыркнула она.

— Так вот, сейчас мы прячем вашего мужа от полиции, а если он появится в деревне, могут возникнуть разные непредвиденные ситуации. Поэтому вы не огорчайтесь и не беспокойтесь. Идите к себе домой, занимайтесь своими делами, словно ничего и не произошло. Если кто-то спросит, куда он делся, вы, к примеру, скажите, что с друзьями поехал на рыбалку. А он немного побудет у нас, пока все эти страсти не улягутся, а через пару дней мы вам его вернем.

— А почему сейчас нельзя? — задала резонный вопрос Любовь Павловна.

Она была глупа, но тем не менее сейчас мыслила вполне здраво.

— Потому что они съели этот порошок, — сказал я. — И если сейчас полиция их за воровство возьмет, то проведет медицинскую экспертизу и найдет в крови это вещество, так что им мало не покажется, загремят они в места не столь отдаленные. Причем лет на пятнадцать. Каждый.

К моему счастью, Любовь Павловна не отличалась умением думать, поэтому не задалась вопросом о том, как же я храню у себя вещество, за которое могут куда-то там отправить, причем так надолго. Она лишь испуганно кивнула и тихо сказала:

— Хорошо.

— Так что вы идите домой, — сказал я. — И не беспокойтесь, через пару дней Ерофей Васильевич придет обратно.

Отправив бывшую соседку домой, я выдохнул, но радоваться особо было нечему: решение проблемы я отложил буквально на день-два. Если сейчас прибежала Смирнова, то завтра, несомненно, явятся супруги Коляна и Федьки, или кто там у них есть, родители, ну, не знаю, друзья, может быть, и мне придется что-то им говорить. А мужики находятся в неменяемом состоянии, и я почти уверен, что через два дня из него не выйдут.

От растерянности я вздохнул и плюхнулся прямо в сугроб, уставившись на ствол ели невидящим взглядом.

Здесь меня и нашел анестезиолог Самарцев Николай Борисович.

— Сергей Николаевич! — радостно воскликнул он еще издали. — А что же вы в снегу сидите? Отморозите себе все, что не надо. У вас еще детей нету, а вы уже так за своим здоровьем не следите.

Он был прав. Я тут же подскочил с сугроба, отряхиваясь. Мы обнялись, и я сказал:

— Ну, как вы, Николай Борисович?

— Хорошо, — веселым голосом сказал Самарцев, хоть сам смотрел с беспокойством. — Хотел с вами поговорить: когда мне приступать к работе?

— Ну вот сами смотрите... — задумчиво проговорил я. — Нормальные зарплаты и все остальное будет примерно с конца января. Сейчас я кое-какие копейки сотрудникам выделяю, чтобы совсем уж людей по миру не пустить, но платить нормально пока еще не могу. Поэтому будет, наверное, хорошо, если вы приступите к работе с первого февраля.

— Я бы уже сейчас хотел, — сказал Самарцев, и голос у него упал, он явно не надеялся на благополучный исход разговора. — Мне дома сидеть скучно. А насчет оплаты не беспокойтесь: когда получится, тогда получится. Когда на пенсию уходил, мне же выплату сделали, хоть и небольшую, но тем не менее, поэтому деньги пока есть.

— Ну, тогда добро пожаловать в наш коллектив! — улыбнулся я. — С какого дня хотите, с такого и приступайте. Единственное: сообщите Александре Ивановне, потому что она ведет мое штатное расписание и все эти трудовые отмечает.

— Да, это хорошо, что она сюда перешла, — с довольным видом кивнул он. — Когда Сашуля работала начальником больницы, Ачиков ее постоянно склонял на всякие nepотpeбствa. Она злющая ходила и нас третировала, а сейчас совершенно другим человеком стала. Именно той Сашулей, которую мы любили, когда она только пришла работать в больницу простым врачом.

— Вот так люди меняются под воздействием обстоятельств, — согласился я.

— А что это вы такой расстроенный, Сергей Николаевич? — спросил вдруг Самарцев и пристально посмотрел на меня. — Что-то в Москве не так, что случилось?

— Да нет, в Москве как раз все нормально, — сказал я, не вдаваясь в подробности. — Тут другая ситуация.

Так как Сашуля уже посвятила Самарцева в наши новые дела, я не счел нужным скрывать и принялся рассказывать все как есть:

— Тут такое дело, Николай Борисович. Только что прибежала Смирнова, которая у нас Любовь Павловна, и пыталась скандалить, чтобы ей вернули Ерофея Васильевича, ее дражайшего супруга.

— Ого! — округлил глаза Самарцев.

— Вот так, — вздохнул я. — Я ей пока наплел, что он скрывается от полиции, и мы ему якобы помогаем. Но она все обдумает и поймет, что это все в кучу не лепится. И не сегодня — завтра опять припрется. Я ей сказал, что через пару дней он вернется, но вы же сами видели, в каком они состоянии, ясно же, что никто через пару дней не очухается. Что делать, не представляю. Боюсь, что и родичи Коляна, и Федьки тоже сюда припрутся, и это будет грандиозный скандал. Прославимся на всю область, что похитили людей и силой удерживаем. А то и еще чего похуже придумают. Вот я и не знаю, как быть.

— Да-а-а, дела, — протянул Самарцев и задумчиво почесал шапку на голове, затем посмотрел на меня и сказал: — А может, стоит попробовать какую-то активную терапию, чтобы привести их в себя?

— Например? — сказал я и хохотнул. — Лоботомию, что ли?

— Ну, зачем же сразу лоботомию? — с упреком посмотрел на меня бывший анестезиолог. — Можно же попробовать небольшие разряды электричества. Совсем маленькие. Примерно как на физиотерапии. Ставят же людям электрофорез и все остальное. Просто чуть-чуть больше разряд дать — и они, может, придут в себя. Это раз. Во-вторых, можно попробовать холодную воду. Вдруг влияние отрицательных температур поспособствует приведению в норму? А еще можно попробовать какие-нибудь аналептики или ноотропы...

— Нет-нет, — замахал руками я. — Только не это. Кто его знает, как Vasorelaxin-X влияет на активность головного мозга. Они и так сидят в прострации. Только Федька пришел в себя и сказал «афай» и «уышыза».

— Да вы что? — удивился Самарцев и хмыкнул, потирая от возбуждения руки. — Ну, это, конечно, уже хорошо. Очень даже хорошо! А давайте сейчас к ним вернемся, я хочу на него посмотреть. Потому что «афай», точнее, правильно сказать «авай», — это на марийском языке «мама». А то, что вы слышали как «уышыза», — это «полшыза», значит, он просит помощи. То есть, получается, разум к нему начал возвращаться.

— Вот оно как...

— Пошли, — повторил Самарцев, и мы вместе поспешили обратно в «запретную комнату», прихватив с собой Чемышеву.

Федя так и продолжал сидеть и раскачиваться, тупо пялясь в одну точку.

— Он так все время сидит, — тихо пояснила Самарцеву Александра Ивановна. — До того как сказал те слова и после.

— Йолташ! — вдруг сказал Самарцев, четко проговаривая каждую букву.

Сначала ничего не происходило, а потом Федор перестал раскачиваться и замер.

— Салам лийже, йолташ, — упрямо повторил Самарцев. — Йолташ!

И в этот момент Федор повернул к нам голову и сказал вполне членораздельно:

— Мо лиеш? Мый кушто улам? Йўмынем!

— Он просит пить, — перевел Самарцев. — Александра Ивановна, вы бы не могли принести воды?

— Сейчас! — кивнула обрадованная Сашуля и умчалась за водой.

— Федя, ты как? — взволнованно спросил я, и пациент посмотрел на меня вполне осмысленным взглядом.

— Да чей-та морозит меня, — пожаловался он на чистом русском.

— Отходняк? — догадался Самарцев и предложил: — У меня с собой всегда фляжечка с коньяком есть. Будешь?

— Угум! — радостно осклабился Федор и весь подобрался. У него даже руки затряслись в предвкушении этого прекрасного напитка.

Я хотел было остановить коллегу, но потом подумал: Федя и так пьет по-черному, от одного глотка уж точно хуже не будет.

Самарцев, нимало не брезгуя, протянул ему свою миниатюрную серебряную фляжку с филигранной чеканкой — из тех, с какими некоторые эксцентричные дамы любят ходить в театры. Федор доверчиво потянулся к ней, словно младенец к материнской груди, схватил и поднес к губам. И вдруг с отвращением отбросил. Его всего начало трясти и скручивать в рвотных спазмах.

— Отвернуло, — заметил Самарцев и восхищенно покачал головой.

— Интересно, его вообще от всего отвернуло или только от спиртного? — задумчиво пробормотал я.

— Вот вода! — Дверь открылась, и в комнату вошла Сашуля с большой кружкой, наполненной практически доверху.

— Вот сейчас и проверим, — усмехнулся Самарцев и протянул кружку Федору.

Мы с Александрой Ивановной стали наблюдать за реакцией «подопытного кролика».

Федор как ни в чем не бывало принялся пить. Пил он долго, громкими глотками, с превеликой жадностью.

— Ну хватит, Федька, лопнешь же, — добродушно сказал ему Самарцев и отобрал пустую кружку.

— А где здесь туалет? — вполне внятно спросил Федор и даже слегка покраснел, искоса взглянув на единственную среди нас даму.

— Пойдем, отведу, — предложил Самарцев.

— Пойти с вами? — спросил я. — А то мало ли...

— Да ну, сколько того Федора, — насмешливо хмыкнул Самарцев, — сам справлюсь. А вы покамест растормошите остальных. Кажется, действие препарата потихоньку прекращается. И попробуйте сначала дать им спиртное, а уже потом напоите водой.

— Да там коньяка почти не осталось, — сказала Александра Ивановна, подбирая фляжечку.

— Зато запах есть, — нравоучительно ответил Самарцев. — Главное — понять, отвратило их всех или нет. Если да, то потом на этом такие деньжищи делать можно, что ого-го.

— Прежде всего — спасать людей! — строго поправила его Александра Ивановна. — И семьи.

— Да один черт! — отмахнулся Самарцев, подхватил снулого Федора под руку и потащил прочь из комнаты.

А мы остались наблюдать за Коляном и Ерофеем.

— Интересно получается... — пробормотал я. — Почему Федор сразу пришел в себя, даже разговаривает нормально, а эти так и сидят, словно зомби?

— Стаж, — загадочно ответила Сашуля.

— Что «стаж»? — не понял я.

— Виктор и Николай регулярно пьют уже лет по двадцать, а Федор всего-то года два от силы.

— Занятно, — протянул я. — В таком случае, вполне вероятно, в себя эти товарищи придут лишь после новогодних праздников. Да и то не факт.

— Это надо обязательно записать в журнал, — возбужденно сказала Сашуля.

Пока мы осматривали «пациентов», проверяя реакцию зрачков на свет и считая пульс, вернулся Самарцев и привел Федора. Взгляд у того снова остекленел, и передвигался он на негнущихся ногах.

— Ну, как он? — спросил я для проформы, хотя и так все было понятно.

— Все свои дела сделал и снова стал овощем, — с сожалением сказал Самарцев и аккуратно пристроил Федьку на пол рядом с остальными.

Те никаких признаков разумной жизни так и не подавали.

Мы закончили с ними и вернулись к флигелю, по дороге обсуждая, как выстроить наблюдение за «клиентами» и что стоит вносить в журнал, а что нет.

— Ой, смотрите! — воскликнула Александра Ивановна, указывая вперед, и мы остановились.

А посмотреть было на что: у флигеля, около крылечка, стояли Чепайкин с бородатой козой Афродитой и дружно кручинились.

— Арсений Лукич! — удивился я. — А вы здесь какими судьбами?

— Так мы это... — запинаясь, начал было Чепайкин, но как-то быстро сдуся и умолк, зачем-то укоризненно взглянув на Афродиту.

— Мэ! — флегматично ответила та и тяжело вздохнула, совсем как Чепайкин.

На улице было холодно, козе явно хотелось в теплую сарайку, а тут ее заставляли стоять на морозе.

— Почто животное мучаешь, Арсений? — сурово спросил Самарцев.

— Так я это... — снова замялся тот и так дернул козу за поводок, что она опять заблеяла.

— Что происходит? — начал выходить из себя Самарцев.

— Пришел мириться, а тетя Нина не пускает? — предположил я.

Чепайкин мучительно покраснел, снова тяжело вздохнул и умоляюще посмотрел на меня.

— Что она говорит? — сочувственно спросила Сашуля.

— А, — махнул рукой Чепайкин и пригорюнился.

— Да говори ты! — возмутился Самарцев.

— Ой, я сейчас лучше сама все расспрошу, — сказала любопытная Александра Ивановна и резво юркнула во флигель.

Буквально через минуту оттуда выскочила тетя Нина, вся красная и сердитая, и свирепо уставилась на Чепайкина:

— Ты, мало того что бросил меня, так еще и перед людьми решил опозорить? — заверещала она, уперев руки в бока. — Всем тут жалуешься, несчастным прикидываешься, а как бросал меня прямо у свадебного алтаря, совесть небось не мучила?

— Да я чего... Ну Нинка... — закрутился Чепайкин, но тетя Нина распалялась все больше и больше:

— А я же тебе так верила! А я же, можно сказать, свою руку и сердце тебе отдала! Обе руки! А ты, гад, вот так вот! Еще и пришел, куражишься тут!

Противостояние грозило затянуться надолго, поэтому я выразительно кашлянул и примирительно сказал:

— Тетя Нина, я, конечно, все понимаю. Арсений Лукич маленько накосячил, есть такое. Но хотя бы выслушать его можно?

— Да буду я еще время тратить, слушать тут всяких! — гневно фыркнула тетя Нина и гордо задрала нос, но чувствовалось, что переиграть она боится.

— Тетя Нина, я с вами даже где-то солидарен, — продолжил уговаривать брошенную невесту я. — Вы рано или поздно разберетесь, но вот Афродита-то в чем виновата? Холодно же животному.

— Да, Грета Тунберг вас бы не поняла, — хмыкнул Самарцев и, развернувшись, ушел во флигель, потеряв к происшествию всякий интерес.

В этот момент спохватилась тетя Нина. Покраснев, она схватила Афродиту за веревку и потащила куда-то.

— Я сейчас! — сказала она. — Иди сюда, Афродита, Афродиточка ты моя миленькая...

— Так что, я прощен? — пробормотал вконец деморализованный Чепайкин.

— Еще чего! — вскрикнула тетя Нина. — Ты мою козу зачем забрал? Коза — это был подарок перед свадьбой! А ты ее потом украл у меня. Это мой подарок и моя коза, так что сейчас она не засчитывается.

С этими словами тетя Нина и Афродита, развернувшись, прошествовали в сарай, а Чепайкин постоял немного, виновато развел руками и сказал:

— Вишь, как оно бывает. Бабы...

— Это да, — согласился я.

— И кто этих женщин поймет?

— Да никто, — сказал я, наблюдая, как Чепайкин, ссутулившись, плетется прочь от санатория.

Но, судя по тому, как тетя Нина с довольным лицом выглянула из сарая, драма только начиналась, и для Чепайкина она однозначно должна была закончиться маршем Мендельсона, или же я не знаю тетю Нину.

Глава 2

На улице ощутимо похолодало, мороз крепчал, и я тоже поспешил во флигель. В лицо пахло теплом, ароматом горохового супа и еще чего-то мясного — видимо, тетя Нина опять рагу сделала.

Я прошел в свою комнату и принялся раздеваться. Решил, что время до сна еще есть и, пока выдалась свободная минутка, надо набросать следующую схему исследований. Потому что чувствует мое сердце: Терновский не успокоится и, не дожидаясь окончания праздников, начнет мне звонить с требованием первых результатов.

Результаты-то у меня были, но слишком уж натянутые, очень приблизительные, поэтому сказать ему что-то конкретное я пока еще не мог. А время идет, тут он прав.

По всему выходило, что стоит наведаться в дом престарелых еще раз, а лучше дважды, в идеале — до Нового года. Но когда я вспоминал лоснящееся, подлое лицо заведующего, идти туда совершенно не хотелось. Вот и выходило, что застрял я между двух огней: заведующим дома престарелых и своим научным руководством.

И вот как мне, бедненькому, быть?

Ох, хоть бы уж поскорее санаторий заработал. Да, можно было всех подопытных — то есть пациентов — привлечь сюда и наблюдать их, как говорится, не выходя за территорию.

Я выглянул в окно. По расчищенной от снега дорожке прошел Япар с большой охапкой поленьев — он что-то весело насвистывал, и слышно это было даже через стекло.

Ну и хорошо, хоть у кого-то все отлично. Правильно: у людей появилась работа, общее дело, и им явно здесь нравится.

Тут в мою дверь несмело постучали.

Интересно, кто бы это мог быть?

Я вздохнул: передышка выдалась слишком короткой.

— Открыто, — крикнул я.

Дверь приоткрылась, и на пороге возникла... Венера.

— Венера Эдуардовна, — улыбнулся я ей. — Здравствуйте, проходите. Что-то случилось?

— Нет. — Она потопталась на пороге, не заходя в комнату. — То есть да...

— Так нет или да? — весело усмехнулся я.

— Сергей Николаевич, вы бы не могли... — Она еще больше смутилась, но все-таки закончила: — Вы не могли бы пройти на кухню? Нам надо поговорить.

— Так заходите, Венера Эдуардовна, поговорим.

— Нет-нет, лучше вы идите сюда, — продолжала настаивать она.

— Ладно, — пожал плечами я и вышел за ней.

На кухне за обеденным столом сидел Наиль. Он хмурился и что-то чертил в своем блокноте.

— Здравствуй, Наиль Русланович, — сказал я. — Как дела?

— Да хорошо, — вздохнул он и тут же опроверг свои же слова: — Вы знаете, вот эта новая схема прокладки канализации, что вы предложили... она, конечно, очень хороша, я даже не спорю, вы не подумайте, Сергей Николаевич... но понимаете, здесь есть такое ответвление... вот оно, посмотрите на схему... и оно уходит вглубь. Вот сюда... — И он начал витиевато и нудно рассказывать, в чем видит трудность.

Венера не выдержала, фыркнула и прервала его:

— Да погоди ты, Наиль! Давай не про это! Потом про свою канализацию расскажешь. Заколебал уже всех! Ты вообще юрист, почему ты этим занимаешься?

Я удивленно покосился на Венеру: такой решительной и категоричной я ее еще не видел.

— Садитесь, Сергей Николаевич, — сказала она. — Вы, наверное, голодный? Есть гороховый суп и рагу. А мы все уже поели.

— Да нет, Венера Эдуардовна, — отмахнулся я. — Я потом. Скажите лучше, что стряслось?

— Да вот... — замялась она и беспомощно оглянулась на Наиля.

Тот собрался с мыслями и пояснил:

— Помните, я вам недавно звонил по поводу Тимофея?

— Конечно, — кивнул я.

— Так вот, я, когда был в Йошкар-Оле, видел его.

— Ну и прекрасно, — обрадовался я. — Значит, он живой и здоровый. И что с ним приключилось?

— Да в том-то и дело, — нахмурился Наиль и укоризненно посмотрел на Венеру.

— Наиль говорит, что он там устроился у какой-то бабы и живет с ней, — неприязненно перебила его Венера.

— Так это же хорошо, — сказал я.

— Нет, вы не понимаете! — всплеснула руками Венера. — Он же такой неприспособленный к жизни! Наиль говорит, что она намного старше! И у нее дети! Трое! Она ему не даст нормально жить, она его заедит!

Я внутренне усмехнулся: у Венеры явно проснулся материнский инстинкт. Но нужно было вовремя ее остановить, пока в слепой любви она не наворотила дел, поэтому я заговорил успокаивающе, почти гипнотизируя:

— Венера Эдуардовна, прекратите панику. Что такого случилось, что вы всполошились?

— Да вот он... — попыталась объяснить она, но сбилась и умолкла.

— Венера Эдуардовна, Тимофей — взрослый мужик, здоровенный лоб, он в два раза больше вас и давно уже совершеннолетний. Что здесь ужасного, если, вместо того чтобы лежать дома на диване и измываться над вами, он нашел себе женщину и живет теперь с ней?

— Так она же его заедит... — опять начала гнуть свою линию упрямая Венера.

— Ну и прекрасно, — пожал я плечами. — Труд создал человека, пока человек трудится, он живет нормально. А положи самого лучшего, самого здорового на диван — и через некоторое время у него появится куча болячек и депрессия. Венера Эдуардовна, вы меня понимаете?

Но, судя по глазам, она меня не слышала и не понимала.

Наиль вздохнул и взглядом показал, что проблема эта зреет давно и сам он ее решить никак не может.

— Ладно, — сказал я. — Венера Эдуардовна, чего вы хотите?

— Нужно ехать в Йошкар-Олу, — твердо заявила она.

— А зачем? Вы будете разрушать его новую семью? — спросил я без обиняков. — Тащить его обратно в Чукшу? Сядете опять там в амбулатории и будете вокруг него водить хороводы?

Венера потупилась — судя по всему, так далеко она не загадывала.

— Ну вот видите, — сказал я. — Так что пусть себе спокойно живет. И это хорошо, что у него появилась женщина, тем более с детьми. Возможно, как отец, он сможет реализоваться. Возьмется за ум и начнет жить нормальной, полноценной жизнью.

— Я же переживаю, — пробормотала Венера, а потом вскинула на меня умоляющий взгляд. — Сергей Николаевич, поедemте, посмотрим, как он там живет.

И отказать у меня не хватило сил, ведь она действительно места себе не находила. Но сама ехать не решалась — боялась Тимофея.

— Хорошо, — сдался я. — Вот закончатся праздники — нам с Наилем все равно надо в Йошкар-Олу по делам насчет канализации. Захватим вас и посмотрим, как он там устроился.

Ответом мне был благодарный взгляд Венеры.

Но и о своих делах я не забыл:

— Венера Эдуардовна, а за это вы мне прямо сейчас покажете, как ремонтируют ванны в отделении.

— Идемте, идемте, — подскочила она и схватила куртку с вешалки.

Вместе с ней поднялся и Наиль:

— Мы покажем. Там уже много всего сделали.

Мы оделись, вышли из флигеля и отправились в сторону главного корпуса. Но не успели сделать и пары десятков шагов, как у ворот остановилась ярко-красная машина, отлично мне знакомая.

— Минуточку, — сказал я, — кажется, у нас гости.

Развернувшись, я пошел встречать Алису Олеговну.

Да, именно она явилась в санаторий, лично. И, что любопытно, без предупреждения.

— Алиса! — сказал я, когда она вышла из машины и, подслеповато щурясь на ярком солнце, потянулась, разминая затекшие за дорогу суставы. Она была в припыленно-желтом полушубке с леопардовым принтом и высоких сапогах.

— Я попрошу! — взвизгнул Виталик, открывая дверцу пассажирского сиденья и вываливаясь из машины. — Попрошу без фамильярности! Молокосос!

— О как! — поморщился я и вопросительно посмотрел на Алису Олеговну: мол, а нафига ты его сюда притащила?

Алиса Олеговна изволила не заметить этого мелкого, но досадного инцидента и радостно проворковала:

— Ой, Сережа, Элен в таком восторге! В таком восторге! Вот я и решила тоже здесь погостить.

— И своего Альфика захватила, — пробурчал я вроде бы и тихо, но Виталий услышал, и лицо его налилось нездоровой краснотой.

— Я не потерплю! — взвизгнул он и просительно взглянул на Алису Олеговну, которая снова не отреагировала.

— Так вы всей семьей решили! — восхитился я и гостеприимно спросил: — А где же Николь?

Теперь уже побагровела Алиса Олеговна, а Виталик, наоборот, побледнел.

— Сергей! — отчеканила она. — Я бы попросила без этих твоих дурацких шуточек! Я желаю осмотреть свой санаторий, и мой супруг Виталий тоже.

— В каком смысле «свой санаторий»? — недобро прищурился я.

Но ответить Алиса Олеговна не успела. К воротам резво подъехали три джипа, и оттуда начали выходить люди: Михалыч с супругой, Чингиз, трое его парней, Ева и еще какая-то бодрая старушка. Чингиз при этом скалился так, будто не он недавно собирался здесь разрывать на части ижевских гостей.

— Сергей! — радостно закричал Михалыч. — А вот и мы! Принимай дорогих гостей!

— Здравствуйте, — вежливо, но несколько удивленно сказал я, потому что не ждал никого из соучредителей раньше кануна Нового года. — Вы как, мимо проезжали и решили заглянуть?

— Ну, скажешь тоже! — расхохотался Михалыч. — Конечно нет! Я приехал лично посмотреть на свой санаторий!

Повисла ядовитая тишина. Эдакая концентрированная антипатия. Принесло же их на ночь глядя! Нарочно не придумаешь.

Тем временем обстановка накалилась до предела: Михалыч стоял, выпятив нижнюю губу с гордостью молодого верблюда. Я даже шаг назад неумышленно сделал — вдруг плюнет. Его супруга, дородная дама, взирала на меня с подчеркнуто брезгливым интересом. Ева сделала вид, что ее тут вообще нет, а Алиса Олеговна вся аж вскипела от ярости, но пока сдержива-

лась. На Виталика я особо не смотрел, однако зеленоватый цвет его лица свидетельствовал об оптимизме в довольно умеренной степени.

Нужно было срочно разругать ситуацию, но, увы, я не успел.

— В каком смысле «свой санаторий»? — так не выдержав, взвизгнула Алиса Олеговна и, прищурившись, свирепо посмотрела на меня. — Епиходов, я чего-то не знаю? Что это значит? Это и мой санаторий вообще-то, если кто-то не в курсе. Я сюда тоже деньги, между прочим, вкладываю. Причем деньги немалые!

Я пожал плечами и не успел даже ничего ответить, как влез Виталик.

— Это только наш санаторий, — авторитетно подтвердил он, приосанившись и гордо вздернув безвольный подбородок. — Алисы и мой.

Михалыч от таких инсинуаций знатно прифигел и начал медленно багроветь, но ответить он тоже ничего не успел, потому что на сцену вылезла дородная дама, которая, как я понял, числилась его законной женой. А заодно, по всей видимости, матерью Евы.

Ракицкая Фарида Равильевна, 45 лет

5-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Пренебрежение.

— Милочка, — смерив Алису Олеговну уничижительным взглядом, свысока сказала Фарида Равильевна. — Да будет вам известно, что основные инвестиции были сделаны нами. В наш санаторий.

Слова «наш санаторий» она подчеркнула голосом так, что даже полный имбецил сразу же понял бы, что за смысл в них вложен. И то, что мне ее не представили, было плохим знаком. Словно моя персона уже мало кого интересовала.

Алиса Олеговна побледнела, губы ее задрожали.

Не давая ей ответить, мегера продолжила:

— И я бы попросила вас оставить свои колхозные замашки. Они вас не красят.

Ситуация продолжала накаляться, поэтому я принял единственно верное решение и сказал:

— Так! Уважаемые гости, я очень рад, что вы почтили своим присутствием мой санаторий. — Слово «мой санаторий», подражая мегере, я подчеркнул голосом. — Но давайте уже пройдем к нам во флигель и вкусно пообедаем. В ногах правды нет, на улице холодает, вы устали с дороги. А тетя Нина сегодня расстаралась, блинов напекла, поэтому хоть горячего чаю с мороза попить надо.

Воцарилось молчание, но так как предложение мое было вполне миролюбиво и без двойного дна, да и мороз крепчал, никто особо противиться не стал.

— Прошу, — повторил я и с видом Ленина на броневишке гостеприимно указал рукой верное направление. — Ю а вэлком, гостюшки дорогие.

Все гуськом незамедлительно устремились к флигелю, а вот Ева слегка попридержала меня за плечо.

— Сергей Николаевич, — тихо сказала она, — поверьте, я здесь вообще ни при чем. Уверю, я не хотела... эм... я ничего... — Она сбилась, а потом все-таки закончила: — Это все отец и его супруга.

Ох ты ж... Значит, не мама?

А Ева опять сбилась и покраснела.

— Но предупредить-то меня можно было, — ворчливо сказал я и зашагал вперед.

— Сергей Николаевич! — ринулась догонять меня Ева. — Ну послушайте!

— Вот скажи мне, Ева, что-то я не совсем понял, — поморщился я. — Твоя мама врач, доктор наук, профессор? Кто она вообще такая и в какой области медицины работает?

— Да нет же! — вспыхнула Ева. — Во-первых, это не мама, а мачеха, во-вторых, она... Девушка замялась.

— Ева, да говори ты уже! — вышел из себя я.

— У нее образование — воспитатель детского сада. Она только педучилище когда-то давно закончила, да и то заочно.

— О как, — удивился я. — Тогда поясни мне, а какое отношение она имеет к курортологии и санаторному лечению?

— Ну, у нее два спа-салона с термами и хамамом в Казани и салон красоты. И еще велнес-центр есть, там аюрведические массажи делают и так далее, — пожала плечами Ева. — Вот она и втемяшила себе в голову, что ей нужен еще и санаторий. Причем после того, как отец ей рассказал о том, что с вами собирается делать общий проект, Фарида как зажглась, так все. И поверьте, если она захотела, то будет по ее, еще никогда не было такого, чтобы она проиграла, — вздохнула Ева.

«Барракуда-дамочка эта Фарида Равильевна», — невесело подумал я. Вслух же не сказал ничего и заспешил дальше по дорожке.

Мне предстояла большая война, и было неизвестно, кто из нас окажется победителем. Но при любом раскладе сдаваться какой-то невежественной тетке я совершенно не собирался, уже столько вложив в этот санаторий: и денег, и времени, и души. Кроме того, сколько людей лелеяли надежду на то, что будут здесь либо работать, либо лечиться, что просто отдать непонятно кому свое детище было бы безумием и предательством.

Ну да ладно, посмотрим.

Ева отстала, явно ошарашенная моим наездом.

Ну а что они хотели? Приехали тут варяги-захватчики с татаро-монгольскими корнями и непомерными амбициями. Мало того что данью обложили, еще и отжать санаторий хотят! Может, и не помешает мне тут поддержка ижевских — будет система сдержек и противовесов.

Я обогнал гостей, которые вяло ковыляли, оскальзываясь на расчищенных от снега, но знатно обледеневших дорожках, и радушно открыл перед ними дверь во флигель.

— Прошу... — сказал я и, сдерживая сарказм, хлебосольным голосом добавил: — ...к нашему шалашу.

— А потом мы осмотрим наш санаторий, — не унималась мегера Фарида Равильевна.

Здесь я не выдержал и сказал:

— Вы, уважаемая Фарида Равильевна, можете осматривать свой санаторий сколько угодно, да хоть сейчас, а мы пока попьем чаю.

На такой выпад ей было нечего сказать, поэтому она промолчала, но я заметил, как глаза сузились до узких щелочек — она сделала себе зарубку на память.

Во флигеле было тепло, тихо и пахло свежей выпечкой. Тем временем тетя Нина суежилась на кухне. И так у нас уже в санатории было достаточно людей, но каждый раз она старалась выдумать что-нибудь эдакое и поразить общество новым кулинарным изыском, да чтобы обязательно с подвывертом. Самолюбива была тетя Нина, этого не отнять. Я, конечно, тревожился, что из-за резкого и незапланированного увеличения количества гостей нам будет нечем их кормить, но мои тревоги оказались беспочвенными. Тетя Нина прекрасно справилась с ситуацией. К тому же Алена Петровна ей здорово помогала, и сейчас стол буквально ломился от угощений.

Мы расположились на кухне, туда занесли еще два стола из комнат — из моей и Наилия. Конечно, было не совсем прям удобно, но в тесноте, как говорится, да не в обиде.

Тетя Нина и Алена Петровна ловко подавали ароматные золотистые блины, пышные пирожки и пахучие кулебяки.

Все притихли, взирая на это действо. Михалыч смотрел на миски с горками жирно поблескивающих поджаристых блинов, и взгляд его становился маслянистым. От восторга он

громко сглотнул слюнки и предвкушающе крякнул, а Фарида зашипела и сердито ткнула его локтем в бок.

Алена Петровна заметила это и поставила поближе к нему вазочку с кусочками слабосоленой семги. И вторую, с икрой, тоже. Лицо Михалыча аж потеплело от предвкушения. Зато жена его сидела, поджав губы, и неодобрительно смотрела на всю эту суету, а особенно на тетю Нину.

И в этот момент Пивасик со своего насеста заверещал противным голосом:

— В вечерних ресторанах, в парижских балаганах, в дешевом электрическом раю...

Фарида почему-то приняла это на свой счет, вспыхнула и сквозь зубы процедила:

— Животные на кухне — это же антисанитария! Ну ничего, дайте мне время, и я наведу здесь порядок.

Это услышала Алиса Олеговна и, прищурившись, фыркнула:

— Я не знаю, где вы собираетесь наводить порядок, но в моем санатории порядок буду наводить я!

— Да что ты такое несешь, овца? — вспыхнула супруга Михалыча и резко вскочила со стула, опрокинув при этом чашку с чаем. — Да ты вообще здесь никто! Ты даже доли процента не вкладывала, а туда же — «мой санаторий»! Приехала тут на готовенькое!

— А вы, я смотрю, мастерица считать чужие деньги, корова, — холодно парировала Алиса Олеговна, с ненавистью глядя на расплывающееся на белой скатерти темное пятно. — Вот только свиначник здесь устраивать не надо!

Я схватил ложку и потренькал по графину:

— Тише, тише, товарищи, давайте успокоимся и послушаем меня!

Но никто не отреагировал, все повскакивали со своих мест и ругались вовсю хором. Золотистые вкусняющие блины были моментально забыты. Лишь Алена Петровна метнулась было вытирать салфеткой разлитое, но не смогла пробиться сквозь жестикулирующих скандалистов и отступила обратно к стене.

— Да, тихо вы! — рявкнул я.

Все взгляды скрестились на мне. За столом воцарилась тишина...

Глава 3

Я обвел собравшихся пристальным взглядом. За этим столом собрались мои партнеры, которые, судя по тому, что я увидел, могут вот-вот стать моими врагами.

Михалыч сжимал вилку так, что аж костяшки побелели, его дражайшая супруга рассматривала Алису с таким же примерно выражением, как Ленин — буржуазию в семнадцатом году. Аромат топленого масла для блинов и крепко настоянного мятного чая смешивался со сладковато-приторным запахом их брендовых духов, не давая дышать. Воздух на кухне вдруг стал удушающим и тягучим, словно патока.

Я выждал пять ударов сердца, незаметно продышался на 4-7-8, давая всем время осознать нелепость ситуации, и только потом, медленно чеканя каждое слово, проговорил:

— Во-первых, рад вас всех здесь видеть. Во-вторых, давайте все же познакомимся для начала. Хотя бы из соображений элементарной вежливости. — Я перевел взгляд на старушку, которую мне впопыхах так никто и не представил, а затем на супругу Михалыча.

Старушка согласно кивнула. Хотя мы еще не перекинулись даже словечком, но отчего-то она мне понравилась. Может, потому что не лезла в склоки.

Я еще раз внимательно посмотрел на жену Михалыча, но та не отреагировала, продолжая поедать многообещающим взглядом Алису Олеговну. Остальные гости молчали, поэтому я продолжил:

— И, в-третьих, скажу так: вы можете считать как угодно, настаивая на том, чей это санаторий и кто тут главный. Но в действительности этот санаторий мой. И главный здесь я. То, что вы инвестировали деньги в его развитие, — хорошо. Значит, уже совсем скоро вы начнете получать прибыль. Причем неплохую. Но все медицинские методики и программы по оздоровлению разработаны мной на основании научного наследия покойного академика Епиходова и моих собственных исследований. Именно они являются главной ценностью санатория, а не эти стены или даже минеральная вода.

Притихшие гости сидели сейчас передо мной, как бандерлоги перед мудрым удавом Каа, и даже Фарида Равильевна начала слушать.

— Без моих авторских оздоровительных программ из этого санатория, уж поверьте, получится очередное типовое заведение из тех, что понатыканы по стране и куда добровольно почти никто не едет. Да вон посмотрите хоть бы на тот же санаторий «Кленовая гора», который находится совсем недалеко отсюда. И кому он, кроме бюджетников по профсоюзным путевкам, нужен? Да и там осталось всего несколько отделений, которые более-менее сносно работают. И он, чем дальше, тем больше деградирует. Неужели вы хотите для этого санатория того же самого? Так берите любой другой и делайте там, что хотите. А здесь распоряжаться я не позволю. Слишком много я уже сюда сил вложил.

Я обвел собравшихся тяжелым взглядом и... широко и тепло улыбнулся:

— У меня все. А сейчас угощайтесь, дорогие гости. Главное, не забывайте, что вы здесь пока всего лишь гости, а не партнеры. Не говоря уже о хозяевах.

Я уже было расслабился, считывая Системой настроения и отношение ко мне, но тут неожиданно подал голос Виталик, дрожа от еле сдерживаемой злости:

— Слышишь, Епиходов, ты не больно-то тут командуй! Мы все свои деньги считали, между прочим. И если мы решим, что пора тебя подвинуть — подвинем. У нас юристы есть, мы быстро тебя на место поставим!

Я лишь усмехнулся и тихо предложил:

— А ты попробуй. — Виталик отшатнулся, а я добавил: — Только учти, что без меня тут ничего не получится.

— Так уж и не получится! — хмыкнул Виталик, и я удивленно вскинул брови, прежде чем пересмотреть его профиль, чтобы вспомнить отчество.

Виталий Аркадьевич Липкин, 62 года

4-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Ненависть.

— Не веришь — местных спроси. — Я нехорошо осклабился. — Мне даже интересно посмотреть, как вы с ними будете договариваться. А ведь договариваться придется не только с ними, но и с ижевской братвой. Осилишь, Виталий Аркадьевич? Это тебе не бычков на пляже продавать.

Наступила мертвая тишина. Виталик взбледнул, и лицо его зеленоватым оттенком стало напоминать прокисшую сметану.

— Полегче, Сергей! — вступилась за мужа Алиса Олеговна, а тот выдавил из себя:

— Что ты имеешь в виду?

— А ты сам подумай, — усмехнулся я. — Умный человек всегда поймет.

После чего я обвел присутствующих насмешливым взглядом и сказал:

— А теперь давайте все-таки отдадим дань пище. Вон как Нина Илларионовна и Алена Петровна расстарались. Нехорошо обижать хозяек. Угощайтесь, господа. Приятного аппетита.

Но не тут-то было.

— Извините, — ледяным тоном произнесла жена Михалыча, брезгливо отодвигая тарелку, — я не привыкла есть в хлеву. И вообще, где здесь туалет? Надеюсь, он у вас не на улице с дыркой в полу, как в прошлом веке?

Алиса Олеговна осуждающе фыркнула:

— Можете прогуляться до центрального корпуса, там изысканный сортир с золотым унитазом, специально для таких вот прынцесс.

— Осторожнее со словами, пупсик, — не выдержал Михалыч, вставая и буквально нависая над столом. — Я тебя, Алиса Олеговна, знаю давно. И прекрасно помню, как ты по головам шла ради своей этой галереи. Но со мной это не пройдет! Так и знай!

— Я попрошу не оскорблять даму! — взвизгнул Виталик. — Подбирайте выражения!

— А ну не лезь! — рявкнул Михалыч на него. — В нулевых мы таких дам по кабакам подбирали! Короче, мы сами разберемся, без сопливых. — И, повернувшись ко мне, добавил: — А ты, Сергей, не думай, что выступил и все тебе позволено. Забыл, кем был и откуда вылез? Да и вообще, твоя эта методичка от мертвого академика — говенное говно, и ее можно тыщу раз переписать и повторить. Ничего страшного, найдем специалистов, и через месяц у нас будет своя программа. Еще получше. А вот ты останешься в пролете. И вообще, я был о тебе лучшего мнения!

К сожалению, сказал он все это не понарошку, а действительно так считая, и в выражениях не сдерживался, очевидно, чтобы не уронить авторитет в глазах присутствующих. К примеру, того же Чингиза, который сейчас прикинулся ветошью и перестал пережевывать пирожок.

Михалыч меня разочаровал, так внезапно переобувшись в прыжке, но я сдержал внутренний клекот и внешне остался абсолютно спокойным.

— Ничего не выйдет, — сказал я. — Эта методика запатентована, и каждый шаг ее повторения — преступление. Называется «плагиат». Так что ничего у вас не выйдет, господа инвесторы-чудотворцы. И будет этот санаторий таким же безликим, как все остальные на просторах нашей необъятной родины. И если в ваши спа-салоны еще едут, потому что рядом с домом, то из Казани сюда, ради того чтобы получить стандартный массаж, ехать никто не будет.

— А по твоей методике — будучи? — попытался уязвить меня Виталик.

Отвечать ему не хотелось, невелика пташка, но на мне скрестились все взгляды, и я сказал:

— Да! Ради моих массажей будут. — Слова «моих массажей» я подчеркнул голосом. — Сюда будут ехать за чудом. За здоровьем. И именно ко мне. Если кто не верит, могу продемонстрировать.

Михалыч замер, переваривая услышанное. Супруга его, побледнев, схватила мужа за локоть и прошипела:

— Я же говорила тебе — не связывайся с ним! А ты: «Договоримся, все будет нормально». Надо было Чингиза...

— Заткнись! — рявкнул Михалыч, и все с удивлением увидели, как могучего вида мужик сорвался на свою дородную, но все еще привлекательную супругу — похоже, впервые на людях.

Та отшатнулась, как от удара, и в ее глазах блеснули слезы.

— Высокие отношения, — громко и насмешливо изрекла Алиса Олеговна, с наслаждением откусывая кусок блина. — У вас там, случайно, развод не намечается? Я знаю хорошего адвоката, могу скинуть телефончик.

— Алиска, еще одно слово, и ты очень пожалеешь, — зло процедил Михалыч, но было видно, что внутри у него бушует настоящая буря.

Тут вмешалась Ева. Она вскочила из-за стола и, глядя прямо на мачеху, сказала:

— Ну вот зачем вы постоянно отца настраиваете?! Ладно бы на что нормальное. Ведь с этим санаторием был хороший проект с перспективой, а теперь что получится?!

— Ты гля! Рот она разевает! — возмутилась мачеха и махнула рукой так, что снесла блюдо с рыбой.

Жареный минтай угодил Алисе Олеговне прямо в лоб, оставив там маслянисто поблескивающее пятно. Та от неожиданности икнула, и кусок блина с ее вилки сорвался и плюхнулся прямо в сметану, щедро забрызгав дизайнерский пиджак и шелковый шарфик Виталика. Тот вскочил и возмущенно запричитал, пытаясь оттереть пятна кухонным полотенцем, которое вырвал из рук застывшей в изумлении тети Нины.

На кухне воцарился полный хаос. Кто-то визжал, кто-то пытался вытереться салфеткой, Чингиз уже откровенно ржал, а я понял, что момент истины наступил.

В результате чего хлопнул ладонью по столу так, что чашки подскочили.

— ВСЕ ЗАТКНУЛИСЬ! — заорал я. — Ева, сядь! Вы! — Я показал на Фариду. — Уберите руки от Алисы Олеговны. Михалыч, остынь! А ты, Виталик, помолчи!

Они затихли, удивленные моим напором. Я сказал, впечатывая каждое слово:

— Еще один крик — и я выхожу из проекта. Вам все ясно? Санатория не будет вообще! Зарубите это на носу.

— Ты пожалеешь, скотина, — пробормотала жена Михалыча так, чтобы все услышали, но закончила с предательской дрожью.

Я недобро зыркнул на нее, но оставил высказывание без комментариев (как оказалось потом — зря).

Обстановка снова накалилась, и тут зазвонил телефон. Я сердито схватился за него и обнаружил, что звонит Елисей, изгнанный Лысоткиным аспирант, который наглотался таблеток, но выжил, а потом согласился поработать в Морках со мной.

— Да, слушаю, — сказал я и, поднявшись, вышел из кухни, чтобы они не слышали мой разговор.

— Серега, — промямлил Елисей, но куда бодрее, чем при нашем последнем разговоре в Склифе, — я уже вышел из больницы.

— Ну что ж, поздравляю, — хмыкнул я. — Когда ко мне собираешься? Или что там у тебя по плану намечается?

— Да, вот я хотел спросить, если прям сегодня выеду, это нормально будет?

— Ну, конечно, нормально, — заверил я, — а ты хоть успеешь свои вещи забрать из общежития, оформиться?

— Да ты знаешь, — замялся Елисей, — сейчас с документами смысла возиться нет, потому что праздничная суета, тут в основном корпоративы один за другим идут или сдача отчетов. Не до меня. Да и не хочу я сейчас показываться в институте. Давай я к тебе приеду, немного поработаю? А потом уже что-нибудь придумаем.

Понятное дело, Елисей юлил, потому что показываться ему после мнимого самоубийства было стыдно. Я не знал, как оформлять его документы, но это, по идее, решалось дистанционно через Марусю, поэтому приободрил его:

— Да, конечно, без проблем, Елисей. Давай ноги в руки и приезжай. Адрес я тебе скину, нужно будет доехать до Казани, лучше самолетом, а оттуда есть рейсовый автобус в Морки, бла-бла-кар или такси.

— Такси мне дорого, — вздохнул Елисей и как-то заискивающе добавил: — Ты знаешь, у меня вообще денег почти не осталось. Может, даже и на билет на самолет не хватит. — Он стусевался. — Но я перекладными решил...

— Да не переживай, я тебе сейчас скину подъемные. У тебя этот номер к карточке привязан?

— Привязан, — с готовностью подтвердил Елисей.

— Вот и отлично. Я тогда делаю перевод. Ты берешь билеты, приезжаешь, если что, звони, мы тебя из Морков заберем. Все понял?

— Понял.

— И еще посмотри, чтобы у тебя была теплая одежда. Хотя, если чего-то не окажется, мы тебе здесь подыщем. И это... — Я сначала не собирался это говорить, а потом все-таки сказал: — Приезжай побыстрее. Кажется, у меня тут намечается небольшая война с партнерами, не помешает любая поддержка.

Распрощавшись с Елисеем, я хотел было вернуться на кухню, хотя внутри назревал протест и идти туда совершенно не хотелось, но тут снова зазвонил телефон.

Я глянул на экран — Сашка. Обрадованный, что хоть что-то сегодня идет хорошо, я схватил трубку и сказал:

— Привет, Саш.

— Привет, — ответил он и добавил: — Слушай, тут такое дело, короче, я уже в Москве. И выжидательно замолчал.

— Ну, отлично, — сказал я, — если ты не собираешься заезжать к Марусе, то давай тогда дуй ко мне. Кстати, Елисей... ну, ты должен помнить, он с рыжим Лехой с нами в караоке ходил. Так вот, он тоже сюда намылился ехать. Созвонись сейчас с ним, я тебе сброшу его номер, и приезжайте вместе.

— Отлично, — обрадовался Сашка, — что-то взять?

— Да нет, ничего не надо, так приезжай, — сказал я.

Сашка отключился, я скинул ему контакты Елисея и, порадовавшись, что скоро приедет сын, заспешил к незванным гостям. Настроение слегка приподнялось, потому что группа поддержки завтра приедет, и все-таки толпой отбиваться от этих высокомерных дураков намного легче. Нет, я мог и сам, но все равно свои за спиной — это многое значит.

Когда я вернулся на кухню, там царила уже иная атмосфера, и ясно было, что это только начало. Все дружно ели, стараясь не смотреть друг другу в глаза, и оживленно обсуждали погоду и какие-то казанские новости — вроде того, что новый магазин собираются открыть или очередную улицу переименовать. Тетя Нина стояла у стены и семафорила мне что-то глазами, но расспрашивать при всех было неудобно, поэтому я сделал вид, что не заметил.

Наконец хоть и вкусный, но такой утомительный обед кое-как закончился. К моему облегчению никто никого не поубивал, и, пока дорогие, в кавычках, гости допивали чай, я

встал и вышел на улицу. Хотелось вдохнуть немного свежего морозного воздуха и прочистить мозги. Очень уж муторно было держать эту компанию в ремиссии: чуть ослабишь контроль — и опять обострение.

Но не успел я толком отойти от крыльца, как за спиной стукнула дверь и под чьими-то быстрыми шагами заскрипел снег.

— Сергей! — Я развернулся: голос Алисы невозможно было спутать ни с чьим другим.

— Слушаю вас, Алиса Олеговна, — вздохнул я настолько демонстративно, что она вскинулась и укоризненно покачала головой.

— Ну что ж ты так на меня смотришь?

— А что? — поморщился я. — Как заслуживаешь, так я и общаюсь с тобой в *твоем санатории*.

Слова «в твоём санатории» я выделил скептическим тоном.

— Ну вот, послушай меня, Сергей... — Алиса подошла и по-хозяйски взяла меня под руку. — Давай прогуляемся?

— Давай, — скрепя сердце вздохнул я, и мы пошли по одной из боковых тропинок, а затем свернули немножечко в сторону. Алиса не обратила внимания, куда я ее веду.

— Послушай меня, умудренную опытом женщину, Сережа, — продолжала уговаривать она. — Этот твой Михалыч, он же бандит из бандитов, ты и сам это видишь. Да и мы кое-что про него знаем. Или эта его супруга. Там же сразу все ясно. В общем, Сергей, я не знаю, зачем ты втянул их в это дело, но уверена, что мы прекрасно справимся и без него. Сколько он там денег вложил? Ты мне скажи прямо, я сегодня же верну ему все эти деньги. Точнее, отдам тебе, а ты вернешь. И я не желаю его здесь видеть.

— А не боишься, что его братки могут подключиться? — скептически хмыкнул я.

— Да ну, какие братки, — отмахнулась Алиса. — Ты про Чингиза этого с парнями? Так у меня такие же есть, поверь. В конце концов, вон хоть бы и Прохор Евграфович. Я попрошу — и Элен тоже не останется в стороне. Так что еще непонятно, кто кого здесь победит.

Я спорить не стал. Прохор Евграфович действительно мог дать фору и Чингизу, и всей его команде. Кстати, они как уехали с Элен за продуктами, так до сих пор почему-то и не вернулись.

Тем временем Алиса продолжала:

— И вот представь, как хорошо получится. Ты будешь вести свои научные дела, писать методички, да что хочешь. Элен очень тебя, кстати, хвалит. Говорит, что твоя программа практически сделала из нее нового человека. Вот и будешь себе заниматься этим, а я — подыскивать клиентуру и заниматься всеми остальными вопросами.

«Угу, — подумал я. — Клиентуру она подыскивать будет, ага. А заодно и все деньги себе загребать — вот этого мне точно не надо. И потом, зачем мне твоя клиентура? Пациентов я и сам найду, получше твоего».

Но, конечно же, вслух я этого не сказал, ответил так:

— Видишь ли, Алиса Олеговна, чтобы заниматься таким делом, нужно хотя бы немного понимать его суть. Ты же, когда вкладываешь деньги в бизнес, сначала изучаешь его, правильно? Вот хотя бы твоя галерея, к примеру.

Алиса скривилась, и я понял, что особо она не углублялась: вложила деньги, наняла специалистов и теперь рулит.

— Главное — знать бизнес-схемы, — Алиса пожала плечами. — И быть хорошим бизнесменом. А все остальное — ерунда. Для этого можно нанять соответствующих специалистов. Таких, как ты...

Невысказанное слово повисло в воздухе, но я не стал на нем заострять внимание и раздувать новый конфликт. В таких спорах лучше побеждать не болтовней, а реальными результатами.

— А хочешь, Алиса Олеговна, я тебе наглядно покажу, почему именно ты не сможешь заниматься этим санаторием? — загадочно сказал я.

— Интересно, — протянула Алиса.

Навстречу нам как раз шел Япар.

— Ну вот, например. — Я кивнул на него. — Япар, знакомься. Это Алиса Олеговна, которая считает, что санаторий принадлежит ей, и я все никак не могу объяснить, почему она не может стать единоличной владелицей. Может, ты ей объяснишь?

— Сергей, ну что ты такое выдумываешь! — возмутилась Алиса, смерив Япара взглядом. — Как этот мужичок может рассказать мне что-то, чего я не знаю?

Япар посмотрел на нее безо всякого выражения, лишь черные глазки его чуть сузились.

— Вы сейчас находитесь, — медленно сказал он, — на территории священного места. Еще пара шагов, и пересечете незримую границу.

— Ну и что? — Она передернула плечами.

— А ведь женщинам туда нельзя.

— Тоже мне, бабушкины сказки, — фыркнула Алиса.

— Нельзя, нельзя. Можно только небольшому проценту женщин, которые отмечены нашими духами, но вы к таким не относитесь. Поэтому, если вы пересечете эту границу, ваша судьба будет очень печальной.

Алиса весело расхохоталась и уже хотела было сделать шаг туда, куда показал Япар, как со стороны главного корпуса раздался нечеловеческий вой.

Глава 4

Леденящий, полный ужаса вой раздался снова. И снова. А потом еще раза два — протяжный, громкий и настолько жуткий, что у меня аж волосы на голове зашевелились. Вне себя от потрясения мы с Япаром переглянулись и не сговариваясь бросились по дорожке к главному корпусу.

— Сергей, что это? — испуганно пискнула мне в спину Алиса.

— Оставайся здесь! — бросил я ей и припустил за Япаром, который уже подбегал к главному корпусу и открывал двери.

Почти не помню, как ворвался внутрь, взлетел на второй этаж и попал в то крыло, где содержались наши «подопытные кролики». А то, что кричали именно оттуда, я понял еще внизу, стоя с Алисой у священной рощи. Кровь пульсировала в жилах, отдаваясь в ушах, сердце колотилось — пульс, по ощущениям, взлетел далеко за сотню. Больше всего я переживал, что случилось что-то непоправимое и сейчас мы обнаружим лишь ошметки человеческих тел. Первая мысль, честно скажу, была о каннибализме — не дай бог.

Хорошо, что ключ всегда был у меня с собой. Я отпер дверь, и мы с Япаром застыли в ошеломлении. Кричал Ерофей Смирнов. Он сидел на высоченном, в полутора метрах от пола, узком подоконнике, забившись практически в угол, высоко подняв ноги и скрючившись, и с превеликим ужасом верещал на одной ноте, не отводя взгляда от Федьки и Коляна.

Так-то состояние мужиков особо не изменилось: они все так же сидели на полу, раскачиваясь и глядя в одну точку белесыми стеклянными глазами.

А вот Ерофей визжал как резаный и царапал стену ногтями.

— Тихо, Ерофей, успокойся, — сказал я самым умиротворяющим «докторским» голосом. — Что случилось? Почему ты кричишь? Тебе плохо? Покажи, где болит.

При звуках моего голоса Ерофей моментально заткнулся и с изумлением вылутился на меня, словно на какое-то чудо.

— А? Ч-че? — заикаясь, спросил он.

— Болит что? — еще раз уточнил я, делая шаг навстречу. — Что тут случилось? Может, ты упал, Ерофей? И вообще, как ты на такой высокий подоконник влез?

— Бы-бы-бы, — выдавил Ерофей и ткнул дрожащим пальцем в сторону Коляна.

Не понимая, что происходит, я посмотрел на «кролика» номер два. Он все так же раскачивался и даже что-то тихонько и вполне миролюбиво мычал. Ниточка слюны сползала ему на подбородок. В общем, все как обычно.

На всякий случай я переспросил Ерофея:

— Он на тебя напал? Что тут случилось? Он ударил тебя?

— З-зомби, — пробормотал Ерофей и, посмотрев на меня, добавил, подрагивая губами: — В-вон. Ж-живые м-мертвецы.

За спиной у меня раздалось громкое ржание: смеялся Япар — слезы из глаз брызнули, и он долго не мог отдышаться. Я лишь укоризненно покачал головой.

— Спрыгивай давай, — велел я Ерофею. — Только осторожно, ноги не сломай.

— А они? — Ерофей боязливо кивнул на своих бывших подельников и любителей Vasorelaxin-X, которому пора бы уже придумать свое название. Но как, если всех его эффектов я пока не знаю?

— Да что они, нормально они. Давай спрыгивай, говорю, ничего они тебе не сделают.

— Т-точно? — переспросил Ерофей, явно не торопясь приближаться к Коляну.

— Да я тебе говорю, все хорошо будет. Ты же, наверное, пить хочешь и в туалет?

— Да! — обрадованно воскликнул Ерофей. — Очень хочу!

— Ну так давай, пойдем, сейчас сводим тебя.

Ерофей потихоньку кулем свалился с подоконника и бочком, бочком зачепал к выходу, припадая на правую ногу.

— Я свожу, — коротко сказал Япар, кивнул мне на Коляна и повел Ерофея в туалет.

— А не боишься? — поддел его я, не удержавшись.

Япар ехидно хмыкнул, мол, шутка засчитана, и отмахнулся от меня.

И тут сбоку раздался перепуганный голос Алисы:

— Это что, действительно з-зомби?

Блин, увязалась-таки. Я выглянул в коридор и обнаружил, что все это время Алиса стояла там и прекрасно все видела — от начала и до конца.

— Вот зачем ты пришла? — недовольно нахмурился я, судорожно соображая, как теперь ей все объяснить — но так, чтобы не сболтнуть лишнего. И главное, чтобы это лишнее не уехало к Виталику. Только вот как заставить молчать перепуганную и заинтригованную бабу, которую аж разрывает от эмоций?

— Ну как же... — Она развела руками, словно так и должно быть.

— А если бы тут действительно что-то такое произошло? — начал я и осекся на полуслове.

А ведь это можно использовать. Недобро ухмыльнувшись, я мягко и вкрадчиво спросил:

— Ты ведь уже все поняла, да?

Алиса отшатнулась и уставилась на меня круглыми овечьими глазами.

— Алиса, ну ты же все видела. Ты у нас девушка умная — сложишь кусочки пазла.

Она на минуту задумалась, а затем посмотрела на меня каким-то странным блестящим взглядом. Губы ее подрагивали — она почувствовала это и закусилла нижнюю губу:

— Это поэтому ты так не хочешь, чтобы здесь были посторонние, да?

Я нарочито тяжело вздохнул и покаянно опустил голову.

— Постой, Сергей, а скажи, это что, действительно то, что я подумала? — не отставала она.

— Да, это зомби. — Я кивнул. — Ходячие мертвецы. Как в кино.

Руки у Алисы задрожали; она хотела ткнуть в сторону мычащего Коляна, но не смогла и показала куда-то в пространство.

— Понимаешь, я не имею права об этом говорить. — Я демонстративно отвел взгляд и пожал плечами. — Поверь, есть такие вещи, о которых нельзя говорить вслух. Опасно.

— Это... это... Но это же преступление... — медленно проговорила она.

Теперь я посмотрел ей прямо в глаза и, отслеживая показания эмпатического модуля, сказал «потусторонним», чужим голосом:

— Если делается по приказу свыше, то никакое это не преступление. Это научный эксперимент, Алиса. И здесь, на этой территории, находится испытательная лаборатория, где проводятся кое-какие исследования.

— Понятно, — испуганно вздохнула Алиса.

— Только никому ничего не говори, — предупредил ее я и грозно добавил: — Иначе...

Она посмотрела на меня, словно обиженная первоклассница, у которой отобрали леденец, и сказала:

— Так вся эта суeta с санаторием — это что, ерунда? Все ширма, да?

— Да нет, ну почему же. — Я развел руками. — Ты же сама видишь: база создается, ремонт идет, больше половины работы уже сделано, и скоро санаторий заработает по моей программе. В общем, Алиса, все будет нормально. Но есть одно маленькое «но». И кое-что из этого маленького «но» ты сегодня увидела.

— Так это еще не все? — Она округлила глаза.

— Ну, тебе же Япар делал намеки по поводу священных рощ. — Я многозначительно улыбнулся одними губами.

— Но я думала, это какие-то бабкины сказки, — недоверчиво фыркнула она.
Я медленно покачал головой.

— Только не вздумай трепаться, Алиса, — добавил я заговорщицки, прекрасно зная, что она обязательно первым делом все выболтает Виталику и остальным.

Тем временем в конце коридора слышались мужские голоса.

— Они возвращаются, — тихо сказал я. — И лучше тебе быстро уйти отсюда и не видеть, что будет дальше. А главное, чтобы они тебя не увидели. Сама понимаешь.

Алиса понятиливо кивнула и заспешила прочь по коридору, а я усмехнулся и вошел в комнату. Наклонился к Колян и попробовал до него достучаться.

— Эй, — позвал я. — Ты меня слышишь, Коля? Николай, ау?

По тому, как сузились, а затем расширились его зрачки, я понял: он меня прекрасно слышал. Вот только ответить ничего не мог и продолжал все так же раскачиваться.

Поэтому я сказал так:

— Колян, я вижу, что ты меня слышишь. Давай, чтобы я знал, понимаешь ли, ты мне сейчас кивай: да или нет. Договорились?

Колян кивнул.

— Отлично, — удовлетворенно подытожил я. — Ты меня знаешь? Знаешь, кто я такой?

Колян опять кивнул, мол, да.

— Вспомни: вы ко мне во флигель влезли по собственному желанию? — спросил я. — Или вам кто-то велел туда залезть и украсть этот порошок?

Колян ощутимо вздрогнул, и зрачки его расширились. Какое-то время он, зависнув, молчал и никак не реагировал на мой вопрос. Я уже решил, что он опять впал в полубессознательное состояние и ничего мне добиться не удастся, но потом он снова начал раскачиваться, а затем медленно покачал головой: нет.

— То есть вам кто-то сказал туда влезть, да?

Колян кивнул: да.

Теперь оставалось выяснить, кто это мог быть. Ну и как? Перечислять фамилии всех, кто живет в Морках? Не вариант.

Тут в комнату вернулись Япар с Ерофеем, а я продолжил допрос:

— Послушай, Колян, сейчас я буду называть фамилии тех, кто мог вам сказать, чтобы вы влезли ко мне во флигель. А ты, когда я назову правильную фамилию, кивни. Хорошо?

Колян кивнул.

Я начал перечислять. Первым назвал имя главы администрации Моркинского района Ласкина. Колян отрицательно покачал головой. Затем я припомнил толстого Пашку Косолапова, который работал на ижевских. — Колян показал, что нет.

Пересилив себя, я сказал:

— Значит, Ачиков?

Колян опять продемонстрировал молчаливое несогласие.

Тут уж я вконец удивился и замолчал, не зная, что и спрашивать. На всякий случай перечислил еще знакомые мне фамилии, даже деда Элая и Чепайкина упомянул, но на все это Колян реагировал одинаково отрицательно.

— Ну, блин, тогда я даже и не знаю, — поморщился я и от отчаяния даже фамилию стримера Пашки Бабченко вспомнил — и тоже безрезультатно.

Допрос зашел в тупик.

Я уже хотел плюнуть и возвращаться к варягам-захватчикам во флигель, когда вдруг подал голос Ерофей:

— Ротозеев Валентин Захарович.

Сначала я не понял, потому что видел этого Ротозеева лишь раз в жизни и сразу даже не вспомнил. Но вот когда вспомнил, от неожиданности чуть не подскочил. Да ладно!

Я мог бы подумать на Ачикова, на Косолапова, да хоть на любого из вышеперечисленной братвы. Но вот на юркого заведующего домом престарелых не подумал бы никогда. А ведь стоило! Очевидно, что Ачиков и Ротозеев — друзья, и, вполне возможно, до заведующего дошли какие-то сведения, он поделился ими с закадычным приятелем, а тот подсказал, как меня «красиво» подставить. Дальше все было делом техники.

Я посмотрел на Япара.

— Что думаешь? Мог он?

Тот равнодушно пожал плечами и ответил:

— Легко. Они друзья. И с обоими я бы в поле срать не сел.

Хмыкнув, я начал прикидывать, как правильно разыграть то, что узнал. Что полученную информацию нужно повернуть против Ачикова и козе понятно. Вот только как сделать это грамотно и самому при этом не подставиться? Ведь Роспотребнадзор за хранение подобных веществ без специального разрешения и сертификатов, да еще и без сейфа, по головке меня явно не погладит.

И это еще очень мягко сказано. В общем, было над чем поломать голову.

— Сергей Николаевич! — осторожно окликнул Ерофей.

— А? Что? — Я вскинулся, выныривая из раздумий.

— Да я вот спросить хотел...

— Ну так спрашивай, — с интересом посмотрел я на Ерофея.

Интерес у меня к нему был не только профессиональным, но и чисто человеческим. Мой бывший алкаш-сосед уже вполне очухался. Федька в прошлый раз тоже приходил в себя, но больше напоминал патиссон из банки солений Алены Петровны, разве что патиссон говорящий.

А вот Ерофей Васильевич выглядел вполне даже сносно и почти нормально.

Он замялся, почесал затылок через копну давно немых волос, а затем тихо спросил:

— Что с нами теперь будет, а, Сергей Николаевич? Что со мной будет?

О как!

Конечно, он боится полиции, не хочет попасть за решетку за кражу. Тем более там, помнится, отдельная статья — кража группой лиц по предварительному сговору. Караяннис бы и номер статьи с ходу назвал. Кроме того, к этому легко можно еще что-нибудь примотать, было бы желание. А уж с учетом того, что они и до этого обокрали меня, вытащив из дома Анатолия ноутбук, дубленку, портфель с документами и продукты...

Я посмотрел на испуганно ожидающего ответа Ерофея — и почему-то соврать, выкрутить эту ситуацию для своей пользы не смог. Сказал ему честно, глядя в измученные неопределенностью и Vasorelaxin-X голубые доверчивые глаза:

— Думаю, что тебе и твоим поделщикам надо еще пару дней побыть здесь, чтобы мы присматривали за вами. Раз уж вы сдуру наелись этого порошка, кто его знает, как он на вас дальше подействует. Так-то это обычная биодобавка. Примерно как протеин, который спортсмены в тренажерных залах пьют. Сам по себе порошок организму не вредит. И даже кое-какую пользу приносит. Но ведь вы запивали это все водкой. Кроме того, все были пьяные вхлам, и как оно сдетонирует, я вообще не берусь прогнозировать.

— А что может быть? — испугался Ерофей и покосился на замычавшего Федьку.

— Ну, ты же сам видишь. — Я показал на Коляна и Федьку. — Ты такой же сидел, причем очень долго.

— Как долго?

— Восьмой день пошел, — ответил я.

Ерофей икнул и обреченно уставился в стену.

— И жена твоя прибегала, тебя искала, — добавил я. — Скандалила.

— Ой, только не отдавайте меня Любке! — охнул Ерофей.

— Почему это? — прищурился я.

— Она меня за такие дела прибьет. А так я хоть здесь отсижусь. Не хочу с Любкой сейчас связываться.

Я его понимал. Любовь Павловна Смирнова, крупная и неопрятная женщина, была скоро на расправу над мужем и вельми тяжела на руку, об их баталиях в Морках легенды ходили.

— Слушай, а ты как, писать можешь? — спросил я.

Ерофей кивнул, правда, неуверенно.

Я посмотрел на Япар — тот внимательно прислушивался к нашему разговору — и попросил:

— Слушай, Япар, не в службу, а в дружбу. Можешь спуститься сейчас в комнатку к Тайре Терентьевне и взять у нее пару листочков? Я видел, у нее там и принтер есть — значит, бумага точно должна быть. И какой-нибудь карандаш или лучше ручку захвати, пожалуйста!

— Хорошо, — сказал Япар, но потом помялся, посмотрел на меня и очень тихо добавил: — Вы уверены, что готовы остаться с ними наедине?

— Уверен, — сказал я. — Они безопасны.

Япар кивнул и скрылся в коридоре.

— Что я буду писать? — с тревогой спросил Ерофей.

— Объяснительную, — невозмутимо ответил я.

— Я не буду ничего писать! — возмутился тот. — Зачем это мне?

— Чистосердечное признание.

— Не буду! — набычился он.

— Ну вот сам посуди, Ерофей Васильевич. Когда у человека есть пистолет и он с ним идет по улице, надо иметь при себе бумажку, где написано, что он нашел этот пистолет и идет сдавать в полицию. Смекаешь?

Ерофей неуверенно кивнул. Его заплывшие от многолетних возлияний мозги отказывались быстро соображать.

Пришлось немного подтолкнуть его мысли в нужном направлении:

— Это необходимо. Прежде всего — для тебя. Федька и Колян, когда окончательно придут в себя, напишут такое же.

— Что писать-то надо? — Смирнов продолжал хмуриться, но видно было, что внутренне уже сдался.

— Напишешь, что вы были проинформированы Ротозеевым Валентином Захаровичем, что нужно достать у меня определенное вещество, которое хранится в ящиках во флигеле. А раз один врач просит взять у другого, вы не нашли никаких причин для отказа и отправились выполнять поручение. Все остальное — уже наши с Ротозеевым проблемы. А вы будете не у дел.

— А... ну если так! — обрадовался Ерофей и чуть не подпрыгнул от радостного возбуждения. Ему уже не терпелось написать, что невиноватый он, и перекинуть эту проблему на плечи Ротозеева.

Мне вообще казалось, что сейчас он согласен переложить ответственность хоть на родную маму, хоть на Далай-ламу. Я бы не удивился, если честно.

Когда Япар принес бумагу и ручку, Смирнов принялся сноровисто карябать крупным неровным почерком чистосердечное признание.

Пока Ерофей сопел над бумагой, я, чтобы не стоять без дела, снова присмотрелся к своим подопечным и в который раз попробовал уложить в голове, что же с ними все-таки стряслось с медицинской точки зрения.

Ерофею я, конечно, наплел про безобидную биодобавку вроде протеина, и это было полуправдой. Сам по себе Vasorelaxin-X безвреден: крохотный пептид, вазодилататор, аккуратно раскрывающий только мелкие, забитые сосуды и не роняющий при этом общее давление. Задум-

мывался он совсем для другого, исследования по нему когда-то свернули из-за финансовых проблем, а вот о взаимодействии с алкоголем никаких данных не было.

Логика вырисовывалась любопытная. Если говорить совсем упрощенно, у пьющего годами человека печень идет на хитрость: перестает толком гнать спирт по нормальному пути через алкогольдегидрогеназу и перекидывает его на запасные, «грязные» ферментные обходные пути, от которых копится всякая дрянь. А тут пептид, похоже, эту главную дорогу снова открыл: заставил организм вспомнить, как расщеплять алкоголь по-человечески, до конца, без промежуточных ядовитых завалов. Оттого от всех троих так свежо и мощно несло перегаром — организм стремительно перестраивал поврежденные метаболические пути, избавляясь не от накопленного алкоголя, а от последствий многолетней хронической интоксикации.

Грубо говоря, шла тотальная, форсированная очистка. Вычищалось разом то, что копилось десятилетиями.

Вот на эту очистку организм, судя по всему, и бросил все силы без остатка. Пока идет капитальный ремонт метаболизма, на остальное ресурса не остается, потому человек и не буйнит, не бьется в припадке, а тихо выпадает в этот овощной ступор — сидит и лишь слегка раскачивается, оставив себе только самое необходимое, чтобы дышать. И вазодилатация тут кстати: раскрытые мелкие сосуды гонят кровь к печени и мозгу, помогая разгрести завалы.

Тогда становилось понятно и остальное. Чем дольше стаж, тем больше «грязи» и нарушений накопилось, и тем дольше все это барахло вычищать: Федор со своими двумя годами выкарабкался первым, а Колян с Ерофеем, у которых за плечами лет по двадцать беспробудного пьянства, застряли надолго. А отвращение к спиртному, которое так впечатлило Самарцева с его коньяком, — это уже расплата за перепрошитый обмен веществ: восстановленная система срабатывает на первую же рюмку резко и жестко, до рвоты.

Стройная теория получалась. Красивая даже. Проверить бы теперь на анализах, а не на пальцах, но лаборатории под рукой не было, Система не помогала, зато голова моя работала на удивление ясно, и недостающие звенья находились одно за другим, без всякого усилия с моей стороны.

И тут передо мной всплыло системное окно, но я от него отмахнулся, боясь упустить логическую цепочку размышлений о препарате, и чем дольше думал, тем шире растягивалась улыбка на моем лице.

Опомнился, только когда Ерофей протянул мне написанное признание.

Переключившись на него, я прочел написанное и кивнул: ну что, товарищ Ачиков, песенка твоя, считай, уже спета.

Глава 5

Разбудила меня птица. Она гулко орала где-то за окном, со стороны леса, и я, вспомнив рассказы Генки и Анатолия о моркинской фауне, вынес вердикт: серая неясность. Совы в Марий Эл брачные игры начинают примерно под Новый год.

Часы показывали шесть утра. За окном стояла глухая темень, светать начнет часам к девяти, не раньше, и торопиться было решительно некуда, поэтому я позволил себе просто поваляться.

Валяться, надо признать, было где, потому что я впервые спал в санатории не во флигеле, а в отремонтированном крыле главного корпуса и до сих пор не до конца верил тому, что видел вокруг. Еще пару недель назад здесь стояли заляпанные известью козлы, между ними гуляли сквозняки, а по углам лежала стружка вперемешку с мешками шпаклевки. Теперь же передо мной была теплая уютная комната с ровными стенами, на которых висели красивые картины, а посреди стояла широкая кровать с роскошным ортопедическим матрасом. Уверен, здесь не обошлось без могучих связей Элен.

И только когда уже собрался вставать, я вдруг вспомнил, что вчера, получив признание Ерофея, ушел в изрядном возбуждении в свою комнату и вдобавок был столь уставшим, что завалился спать, так и не изучив сообщения Системы.

Я заложил руки за голову и мысленно потянул за уголок свернутого системного окошка.

Улучшен системный навык «Познание сути».

Текущий уровень навыка — 5.

Получено очков социальной значимости за улучшение системного навыка: 2 500.

Следом развернулось описание того, что этот уровень мне давал:

Познание сути 5-го уровня

Отображение биологического возраста объекта.

Биологический возраст — это же прям тема моих исследований! Не тот, что в паспорте, а тот, на который тело наработало по факту — по сосудам, обмену веществ, износу тканей. Та самая разница между «сколько прожил» и «насколько износился». Только если я планировал измерять это девятью биомаркерами по результатам анализов, то теперь... Боже, насколько же проще мне теперь будет вести исследования! Ведь цифры биологического возраста отныне будут висеть прямо над головой у каждого встречного, без всяких там анализов и опросников. По сути, скрининг одним взглядом!

Тихо радуясь (чтобы не разбудить остальных за стеной, хотя хотелось заорать «гип-гип-ура!»), я открыл следующую системку.

Достигнут 10-й уровень социальной значимости!

На текущем уровне (10) набрано очков социальной значимости: 1 120 / 11 000.

А вот это было очень приятно! Судя по моему окружению, я уже был полезнее для общества, чем подавляющее большинство людей, хотя провел в этом теле меньше трех месяцев. До 15-го уровня Борьки Терновского мне было еще далековато, но динамика уже нравилась. В общем, продолжим наблюдение, как обычно пишут в историях болезни.

С раскрытием интерфейса я заметил, что в правом верхнем углу поля зрения кое-что сменилось:

Штатный режим. Навыки: 1. Таланты: 1.

Хм... Что еще за талант?

Я нетерпеливо открыл следующее окно:

Обнаружен и доступен новый талант: «Природа веществ».

Вот оно что... Слово было новым — до сих пор Система оперировала навыками и модулями, а тут «талант». То есть не что-то обретенное, а врожденное? Или как это вообще понимать?

Я перечитал строку дважды. «Обнаружен и доступен». Не «открыт», не «подключен», а именно обнаружен. То есть он, выходит, уже был? Гипотеза сложилась в голове сама собой: вчера я долго размышлял над механизмом действия пептида, а Система это заметила, оценила и оформила в некий системный талант?

Я пролистнул уведомление и открыл следующее:

Природа веществ 1-го уровня

Доступны идентификация веществ и препаратов и отображение их взаимодействия между собой и с организмом человека.

Дозирование и рецептура недоступны: недостаточный уровень таланта.

Вы можете получить больше данных, подняв уровень таланта.

Дозирование и рецептура? От избытка эмоций я чуть не подпрыгнул. Перед глазами сама собой встала земская аптека года этак тысяча девятьсот десятого: темные шкафы, латунные весы с гирьками, жестянки с сушеными травами и старичок в пенсне, растирающий в ступке порошки. Алхимия, одним словом. Но если отбросить шутки в сторону, талант обещал что-то поистине фантастическое. Что? К примеру, изобретение новых лекарств. А может, даже углубление знаний по аналитической и физколлоидной химии!

Вообще, строго говоря, разбираться в химии Система помогала мне и раньше. Еще с истории отравления Анечки у меня исправно работал химико-токсикологический модуль: он честно докладывал, что именно намешано в тюбике крема или в минеральной воде. Только модуль всегда отвечал на один вопрос — что внутри. А новый талант заходил с другого конца: не из чего сделано, а что это за вещество и как оно поведет себя рядом с другим таким же, да еще внутри живого человека. Очень интересно...

Проверить новые возможности захотелось немедленно. Оглядевшись, заметил на тумбочке оставшийся с вечера блистер магния, сфокусировал на нем взгляд, и над ним развернулось окошко:

Магния глицинат

Класс: минеральная добавка, хелат магния.

Состав: магниевый, глицин.

Взаимодействие с организмом: всасывание в тонком кишечнике, усвоение высокое.

Магний: снижение нервно-мышечной возбудимости, стабилизация сердечного ритма, участие в энергетическом обмене клеток.

Глицин: торможение центральной нервной системы, сокращение времени засыпания, углубление сна.

Взаимодействий с другими веществами в организме не обнаружено.

Ничего нового Система мне не сообщила, но я все равно был в диком восторге. Это же... это же готовый фармакологический справочник, который висит в воздухе и обходится без всякого интернета! От избытка чувств у меня, прямо как у той вороны из басни, чуть дыхание в зобу не сперло, и я невольно хмыкнул. А потом-таки не выдержал и воскликнул «тру-ля-ля!», правда, тихо-тихо.

Глицинат у меня на тумбочке лежал, разумеется, не случайно. Магний магнию рознь: цитрат я всегда советую тем, кому заодно надо наладить стул, оксид не советую никому, потому что усваивается он процента на четыре, а остальное выходит транзитом — деньги в унитаз в самом буквальном смысле этого слова. На ночь же годится именно глицинат, ведь глицин — естественный тормоз нервной системы: с ним быстрее засыпаешь и глубже спишь. И Система подтвердила все это!

Но глицинат был так, небольшой разминкой на заведомой норме. Настоящее лежало в шкафу. Я поднялся, торопливо достал коробку с порошком, из-за которого и заварилась вся катавасия с «зомби», допросами и потенциальным Роспотребнадзором на горизонте, отсыпал на ладонь щепоть и сфокусировался.

Vasorelaxin-X

Класс: экспериментальный пептид-вазодилататор.

Источник: малый пептид, выделен из глубоководного морского организма.

Взаимодействие с организмом: избирательно расширяет мелкие сосуды, не снижая общего артериального давления; восстанавливает расщепление этанола через алкогольдегидрогеназу — при последующем приеме алкоголя формируется стойкая непереносимость.

В этих строчках я увидел ровно то, что вчера выстраивал по крупицам, стоя над пишущим Ерофеем Смирновым, причем Система выложила эту ценнейшую информацию походя, будто зачитала из учебника, которого у меня нет. Вернее, из глобального инфополя.

Значит, с отвращением к спиртному я не ошибся: пептид не травит человека, а «чинит» ему обмен веществ, и первая же рюмка после этого встает поперек горла. Причем кажется, что это отвращение сохранится навсегда.

Приходя во все больший восторг, я заозирался — божечки, на ком проверить другую фишку?

Комната была пуста... не считая меня.

Я подошел к зеркалу и сфокусировался на собственном отражении.

Епиходов Сергей Николаевич, 36 лет

10-й уровень социальной значимости.

Биологический возраст: 51.

Ну пи... северный пушной зверек, иначе и не скажешь. Пятьдесят один!

Я смотрел на цифру и не знал, радоваться или ужасаться. С одной стороны — плюс пятнадцать к паспорту: спасибо Сереге, заливавшему в себя все, что горит. Стеноз, жирная печень, преддиабет... С другой стороны, в октябре в строчке стояло бы под шестьдесят, это сто процентов.

Выходит, за два с половиной месяца режима я вернул себе лет семь. Значит, работает. Все, что я делаю с этим телом, работает.

Так, теперь бы проверить на ком-то другом...

До кухни недалеко, а уж там народу хватит.

Рванул туда, но обломался. Все еще спали, даже тетя Нина. Пришлось возвращаться несолоно хлебавши.

Размышляя над тем, как можно использовать новый талант, я машинально выполнил все утренние процедуры, после чего вскипятил электрочайник и сел пить чай перед пробежкой.

За чаем полистал новости науки и заинтересовался статьей о том, как лондонский автобус раскрыл секрет долголетия. Уже открывая ее, понял, что история для меня известная, но все равно перечитал.

В конце сороковых прошлого века Британию косили инфаркты, и врач по фамилии Моррис изучил тридцать одну тысячу медицинских карт лондонских транспортников. Суть была вот в чем: в каждом красном двухэтажном автобусе работали двое — водитель и кондуктор. Контора одна, зарплата сопоставимая, только водитель всю смену сидит за баранкой, а кондуктор день напролет носится по салону и скачет по лестнице на второй этаж.

Так вот, у сидящих инфарктов оказалось почти вдвое больше. Моррис сам себе не поверил и проверил на почтальонах против конторских клерков — картина вышла та же.

С этих лондонских автобусов, в сущности, и выросла вся современная профилактика: двигайся — проживешь дольше. Сам Моррис, к слову, бегал до девяноста девяти с половиной лет, чем страшно гордился.

Об этом я и продолжал размышлять, выходя в темноту на пробежку по легкому морозцу в зимнем лесу.

Бежалось хорошо, и Моррис из головы не выходил. В методичку санатория его история просилась сама, потому что обыватель всяким высоколобым академикам не верит, зато подобные истории слушает с большим интересом.

В голове сделал пометку: нужны терренкуры вокруг санатория, часовые маршруты по лесу, зимой — по расчищенным дорожкам. Нужно не забыть уточнить у Тайры Терентьевны, где проходили терренкуры раньше, изучить их и при необходимости подкорректировать. Хотя в советские времена к этому вопросу относились более чем серьезно. И тройке моих «зомби»-алкашей, когда очухаются окончательно, первым назначением станут те самые прогулки.

С этими мыслями я вернулся в санаторий разогретый и вполне довольный собой.

Толкнул дверь кухни, а там уже всю кипела жизнь: конфорки шипели, на блюде росла стопка румяных оладий, а тетя Нина с Аленой Петровной, не отрываясь от сковородок, спорили про индийское кино.

— ...да не мог он на ней жениться, Нина, у них же кастовая система! — горячилась Алена Петровна.

— Это же любовь! А любовь всяко выше кастовой системы, — отрезала тетя Нина непрекаемо и обернулась ко мне: — Доброе утро, Сережа! Садись завтракать, пока оладушки горячие.

— Доброе, — сказал я, стягивая шапку. — А как же здоровое питание? У нас вообще-то санаторий.

— Вот с завтрашнего дня и будет тебе санаторий, — невозмутимо ответила тетя Нина, переворачивая оладьи. — А лучше после Нового года. А сейчас, знаешь, как в народе говорят: кто рано встает, тому положено с маслом.

— И правда, Сережа, садитесь, — с улыбкой поддакнула Алена Петровна. Со вчерашнего дня она уже, судя по всему, освоилась и с тетей Ниной почти сдружилась.

Спорить с народом я не рискнул и сел за стол. Тем более вот-вот могли появиться гости санатория, а после вчерашнего скандала, от которого я сбежал, видеть их рожи не больно-то и хотелось.

— Ну как вы тут, Алена Петровна? — спросил я. — Тетя Нина не обижает? Смотрю, привлекла вас к кухне. Не жалеете, что сорвались из своей спокойной квартирки и приехали сюда пахать с утра до ночи?

— Ох, скажете тоже, Сережа! — улыбнулась Алена Петровна и поставила передо мной блюдце с вареньем и тарелку с оладьями. — Мне здесь очень нравится. Все так, как вы гово-

рили: и воздух целебный, и лес красивый, и вода волшебная. И люди душевные. А что до работы, так я тут себя нужной чувствую. Живой...

Тетя Нина усмехнулась у плиты и ворчливо заявила:

— Это мы еще с тобой с палками тут не ходили. «Скандинавская ходьба» называется. Элен сказала, что научит. Вот как начнем ходить, помолодеем сразу с тобой, и все парни на деревне наши будут...

Алена Петровна согласно засмеялась, а я порадовался, что ей тут комфортно и они нашли общий язык.

Возле солонки я заметил пузырек корвалола и спросил:

— Чье лекарство?

— Мое, — призналась Алена Петровна и махнула рукой, мол, пустяки. — Сердце вчера к вечеру чуток расшалилось. Тяжелые люди эти ваши партнеры, Сереженька. Накапала тридцать капель перед сном, зато потом спала как убитая.

Я перевел на нее взгляд, и над седой макушкой, рядом со строкой про уровень значимости, развернулась новая:

Бехтерева Алена Петровна, 71 год

9-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Признательность.

Биологический возраст: 74.

Семьдесят четыре против семидесяти одного. Понятно почему. Алена Петровна плохо спит, горюет по мужу и страдает от одиночества. Именно потому я привез ее в санаторий. А вот что касается «расшалившегося сердца»... Система не показала ничего серьезного, так что, скорее всего, дело в усталости после долгой дороги, стрессе от новой обстановки, волнении и вчерашнем скандале в исполнении акционеров.

Думая об этом, я задержал взгляд на пузырьке.

Корвалол

Класс: комбинированное седативное средство на основе фенобарбитала.

Состав: этанол и вода в равных долях, этилбромизовалерианат, едкий натр, фенобарбитал, масло мяты перечной.

Взаимодействие с организмом: угнетение центральной нервной системы; при регулярном приеме — привыкание и лекарственная зависимость.

Красавец. Полстраны десятилетиями капает себе «для сердца» спиртовой раствор фенобарбитала — того самого снотворного, от которого в других странах давно отказались, — и свято верит, что лечится. Доказанной пользы для сердца ноль, зато привыкание как у любого барбитурата, да еще и изрядная доза спирта в каждом флаконе. Да уж...

— Сергей Николаевич, ты чего застыл? Остынут же оладушки, — окликнула меня тетя Нина.

— Да так, о работе задумался, — ворчливо сказал я и придвинул тарелку. — Кстати, тетя Нина. Вы мне вчера за обедом глазами семафорили, я же видел. Что стряслось?

Тетя Нина вздохнула, выключила конфорку, вытерла руки о фартук и коротко, по-заговорщицки переглянулась с Аленой Петровной.

— Потом, Сережа, — сказала она, понизив голос, и добавила странное: — У стен есть уши.

Новые возможности и таланты разом перестали казаться мне главным событием утра.

— А все-таки расскажите, — продолжал настаивать я. — Можете просто потише, все равно никто не услышит, все еще спят.

И тут, словно в опровержение моих слов, открылась дверь, и на кухню вошла Элен, сияющая и лучезарная, как обычно. Так-то я к Элен отношусь очень даже хорошо, но в этот момент был готов ее убить. Как же не вовремя! Ну что ей мешало подойти на пару минут позже?!

Тетя Нина с Аленой Петровной мгновенно изобразили крайне деловой и озабоченный вид и начали яростно обсуждать Зиту и Гиту. Причем столь мастерски, что создавалось впечатление, словно они все утро только этим и занимались.

Я огорченно подцепил пухлую оладушку и печально макнул ее в вишневое варенье.

— Доброе утро, — улыбнулась всем Элен, а затем посмотрела на меня. — Сергей Николаевич, а как у вас сегодня со временем?

Я пожал плечами. В это время Алена Петровна налила мне чая.

— Садитесь к столу, Элен, — сказала она и поставила для нее чашку.

— Спасибо! — Элен устроилась напротив меня и продолжила: — Мы сейчас с Прохором Евграфовичем собираемся к Бореньке. Если вам интересно посмотреть на его динамику, мы могли бы вас взять с собой.

— Конечно интересно! — оживленно сказал я.

Да, проблем сейчас было выше крыши, но, во-первых, я хотел забрать Валеру. Даже если он переловил там еще не всех крыс, лично я считаю, что в Морках достаточно и других котов. А Валера должен жить рядом со мной — и точка! И так уже сколько времени он в командировке! А, во-вторых, надо посмотреть на Борьку, ну и за Райкой заодно приглядеть. Была у меня некая мыслишка по поводу нее, но это еще нужно было всесторонне обдумать. Кроме того, хотелось бы с Полиной Фроловой перекинуться парой фраз, если она будет дома.

Поэтому я согласно кивнул и сказал:

— Я готов, только оденусь.

— Да у нас еще полчаса точно есть, — взглянула на изящные ручные часики Элен. — Прохор Евграфович пошел машину заводить. Он ворчал, что она за ночь замерзает там и пока раскочегаришь — три дня пройдет.

Затем она посмотрела на меня и сказала:

— Ой, вы знаете, Сергей Николаевич, мне сегодня такой сон снился...

Дальше разговор перешел на обычный бытовой треп, который бывает по утрам, где опять обсуждались вещие сны, индийские фильмы, погода, коза Афродита и туманные перспективы санатория.

И тут у меня зазвонил телефон.

Глава 6

— Извините, — взглянув на экран, вежливо сказал я и торопливо вышел в коридор. Звонила Маруся.

И тетя Нина, и Алена Петровна, и Элен, безусловно, были милейшими женщинами, добрыми и понимающими. Но при этом уж слишком любопытными, не хватало еще, чтобы они слушали мои разговоры.

— Привет, Маруся, — сказал я, приняв вызов и плотно прикрыв за собой дверь.

— Сергей! — всхлипнула дочь. — Б-борька...

— Ч-что случилось? — У меня внутри все сжалось. — Что-то с Терновским? Он жив?

— Нет... да... ну, то есть нет, — запинаясь, сказала она.

— Да говори уже, что там такое! — поторопил ее я.

— Мы поссорились, — зарыдала она, и меня отпустило. — Он такой гад оказался, ты даже не представляешь! Как он мог?! Это ни в какие рамки вообще не влезает! Все! Мое терпение на этом закончилось! В общем, я забрала свои вещи и уехала...

— И где ты сейчас? — спросил я, успокаиваясь: все живы, а семейная ссора — дело житейское. О том, что своего жилья в Москве у Маруси нет, я знал прекрасно. «Спасибо» мне, старому дураку, и Ирине.

— Да еще сама не знаю. Еду вот в такси к ближайшей нормальной гостинице. Поживу там пару ночей, подыщу квартиру, а дальше видно будет.

— Погоди, Маруся, а тебе что, Сашка не звонил? — удивился я.

— Нет. А что? У него что-то случилось? — охнула она.

— Так он едет ко мне. Точнее, летит. — Я взглянул на наручные часы. — Уже, наверное, вылетел.

— Не поняла, — по-детски обиделась она. — Сашка едет к тебе в санаторий? А мне он даже ничего не сказал...

— Возможно, хотел сделать сюрприз, — дипломатично ответил я.

Ахи-вздохи могли пойти по новой, поэтому, не дав Марусе ответить — а то знаю я ее, затянется часа на полтора, — я поскорее повернул разговор в конструктивное русло.

— Знаешь, как давай поступим? Ты сейчас перебери свои вещи, чтобы все с собой не тащить. Там у тебя небось баулов двадцать барахла наберется.

Судя по сопению Маруси, все именно так и было. А то я свою дочь не знаю! Вылитая Белла. У той тоже все очень нужное, и чтобы побольше, и чтобы с запасом. И Маруська такая же тряпчница. Белла называла это «хорошая хозяйка».

— Оставь лишнее где-нибудь в камере хранения, в той же гостинице должна быть. А сама давай дуй в аэропорт. Если не ошибаюсь, есть рейс до Казани на одиннадцать двадцать — вполне еще успеваешь. Ну, или позже, но следующий будет уже ближе к вечеру, так что лучше поспеши. А в Казани либо пересечетесь с Сашкой и Елисеем, либо тебя заберут мои родители — отец на машине приедет. В общем, из Казани мне позвонишь, я скажу, что дальше делать.

— Хорошо, — сказала Маруся безжизненным голосом.

— Повтори, — строго велел я.

Она, запинаясь и то и дело всхлипывая, послушно повторила.

— Ты представляешь, Сережа, Борька Терновский оказался таким мерзавцем... — не удержалась она под конец.

— А вот про то, какой мерзавец Борька, расскажешь мне, когда приедешь в санаторий. Здесь у нас прекрасный женский коллектив, который с удовольствием подставит тебе и плечо, и жилетку — рыдай всласть, — заверил я. — Прямо с удовольствием. А то они тут уже все индий-

ские фильмы обсудили и пошли по второму кругу. Так что ты как раз отлично впишешься. И все твои горести они всесторонне проанализируют и обсудят на ура.

— Да, я знаю, — тихо рассмеялась Маруся. — Элен вообще душка, да и тетя Нина такая милая.

Я угукнул, а про себя подумал, что будет сложновато объяснить Саше и Марусе, а заодно и Алене Петровне, каким это непостижимым образом все они «случайно» встретятся у меня под Новый год. Внятной гипотезы на этот счет у меня пока не было.

Распровавшись с Марусей, которая клятвенно пообещала, что сейчас быстренько со всем разберется, я первым делом отправил Япара с ребятами помочь Прохору Евграфовичу.

Элен вышла, когда я уже оделся, и мы отправились к ее машине.

— Ну, как вам все это? — сказал я и неопределенно махнул рукой.

Элен сразу же поняла, что я имею в виду именно варягов-акционеров с татаро-монгольскими корнями.

— Алиса непростой человек, — извиняющимся тоном сказала она. — Но при этом очень порядочная женщина.

Я не стал комментировать ее порядочность, только с сомнением посмотрел. Верно оценив мой взгляд, Элен вздохнула:

— Это она попала под влияние этого жиголо, Сережа. А так-то Алиса — девчонка хорошая, мы с ней уже столько лет общаемся.

— Времена людей меняют, — изрек я первую пришедшую в голову банальность.

Элен снова печально вздохнула.

— Да, не спорю. Вот раньше я была такая активная, везде, во всех мероприятиях принимала участие. А сейчас — дундук дундуком.

— Ну, не скажите, — не согласился я. — При всем при этом вы отлично прижились в нашем санатории, со всеми вон заружились. И самое главное — помогаете Борьке.

— Да, Борьке я помогаю, — рассмеялась она.

Тут Прохор Евграфович наконец-то завел машину, и мы устроились на заднем сиденье, продолжая разговор.

— Так вот, Сергей Николаевич, можете себе представить, у Борьки же целый букет проблем с речевым развитием, — неодобрительно хмыкнула она. — И одна из самых больших — то, что букву «р» он вообще не выговаривал. Помните?

Я прекрасно помнил, поэтому кивнул.

— Так вот, уж как я с ним за эту букву «р» боролась, вы даже не представляете. И с орехами во рту он у меня разговаривал, и артикуляцию зубной щеткой мы выстраивали. Ой, чего мы только не пробовали — все никак. У меня даже создалось впечатление, что он внутренне противится этой букве. Ментальный блок у него такой. А когда я спросила почему, он ответил, что букву «р» говорят, только если хотят портвейн пить. А он не хочет. Вот втемяшил себе — и все. И никак! Я уже даже решила, что ничего у меня не получится — я ведь предупреждала вас, что практики у меня давным-давно никакой. Но тут вышла такая смешная ерунда...

Она засмеялась и с воодушевлением продолжила:

— В общем, Прохор Евграфович, когда покупал по моему списку подарки, набрал всякой канцелярки, и был там карандаш. Знаете, такой большой, сантиметра три в диаметре, и длинный. Здоровенный, в общем: с одной стороны синий, а с другой красный. Упаковка у него как-то разорвалась, и он валялся просто так. Я бросила его в сумочку — зачем добру пропадать, вещь-то новая. Думала, заверну потом в красивый пакетик и подарю кому-нибудь из ребят. Так он у меня в сумке и лежал, я про него вообще забыла. А на занятии полезла в сумку за колпачком от ручки — есть у нас такое упражнение — и случайно вытащила этот карандаш. Борька как увидел — загорелся: подавай ему карандаш, и все тут. А я возьми, да и скажи: вот научись букву «р» говорить — карандаш твой, а просто так — нет. Приезжаю на следующий

день, а Борька выходит и с порога: «Тетя Элен, подаРри мне каРРандаш!» Представляете?! Пришлось подарить.

Мы захохотали — и тут как раз подъехали к дому Фроловых. Помогая Элен выбраться, я размышлял о том, что же все-таки хотела сообщить мне тетя Нина.

— Идемте, — окликнула меня Элен.

Прохор Евграфович донес пакеты до дверей, передал их мне и вернулся в машину. Мы с Элен постучали, и дверь тут же открылась.

На пороге стояла Оля, дочка Полины Фроловой. За то время, что мы не виделись, она вытянулась и превратилась в угловатого подростка, не знающего, куда девать нескладные руки. Увидев нас, она ойкнула и убежала в глубь коридора. Элен же здесь явно освоилась и чувствовала себя по-хозяйски.

— Проходите, Сергей Николаевич. — Она улыбнулась и первой ступила в прихожую.

— Иду, — сказал я и последовал за ней, закрыв за собой дверь.

Тут же на весь дом раздалось дикое «Мяу!». Почувяв меня, Валера с неистовым криком выскочил в коридор и, топоча, словно стадо африканских саванных слонов, поскакал ко мне, в мгновение ока вскарабкался по одежде и оказался на руках.

— Валера! Привет, суслик! — Я радостно прижал к груди мохнатое чудовище.

За время моего отсутствия Валера здорово изменился: стал побольше, потолще и заметно возмужал. При звуках моего голоса он свирепо мяукнул и еще крепче вцепился в меня. Я его все гладил и гладил, а он лишь сердито порывивал — ругал меня за то, что я его так надолго бросил.

И тут случилось кое-что странное!

К моему удивлению, над котом высветилась табличка:

Валера, кот, 144 дня

Прозвища: Продувная морда, Анархист, Суслик, Жулик, Мелкий засранец, Кутузов, Террорист-блостащий, Кошачья шаурма, Че Гевара, Диверсант, Подарок судьбы, Лев, Тигр, Фетишист, Скуфьяра, Анафема, Жиропчик малолетний, Пират, Бандит, Задохлик масянистый, Валерончик.

Питомец Сергея Епиходова.

Отношение к носителю: Обожание.

Биологический возраст: 144 дня.

Еще больше я удивился, когда на нем сработал и эмпатический модуль, из чего следовало, что превалирующая эмоция Валеры на данный момент — досада на хозяина. Я снова погладил его, а потом, спасая куртку — хорошо, что надел старую, — кое-как отцепил и опустил на пол. А сам подумал, что все это, очевидно, следствие нового уровня «Познания сути».

В ответ на мои мысли и действия Валера возмущенно что-то проорал на могучем кошачьем.

— Побудь тут, — строго сказал ему я. — И не возмущайся. Скоро домой поедem, осталось еще кое-что сделать. Кстати, как ты себя вел? Говорят, ты тут в командировке всех мышей переловил?

Валера согласно мяукнул и для убедительности махнул хвостом.

На шум выглянул из комнаты Васька, старший сын Фроловой, — в наушниках и взлохмаченный донельзя.

— А почему это ты не в школе? — удивился я.

— А у нас сегодня первых двух уроков нету, — сказал Васька и отвел глаза, а потом понял, что отмазка не проканала, и поправился: — Я заболел.

Я присмотрелся: парень был абсолютно здоров.

— У тебя разве что воспаление хитрости, Василий, — нахмурился я. — Ничем ты не заболел. Давай собирайся и дуй в школу.

— Но у меня болит правое ухо, — попытался разжалобить меня он и даже схватился за ухо. Правда, за левое.

— Не надо рассказывать врачу, что у тебя болит ухо. Тем более держишься ты за левое. Ничего у тебя не болит, и врать я больше не советую: ложь оскорбляет того, кому врут. А насчет уроков запомни: наверху тебя никто не ждет, зато внизу мест всегда хватает. Самая тяжелая работа за самые маленькие деньги. Хочешь пробиться — учись, — отчитал его я.

Васька вздохнул, уши его заалели.

— А я же тебе говорила! — выкрикнула из своей комнаты Ольга, так и не выглянув в коридор.

— Так что одевайся, — повторил я, — и иди в школу.

Васька поплелся одеваться. Мы же с Элен сняли куртки, переобулись — она показала мне, какие гостевые тапочки можно взять, — и отправились в среднюю комнату. Навстречу вышел Борька в вязаном свитере и, увидев нас, расплылся в довольной улыбке.

— КаШ-Ша, МаШ-Ша, баШ-Ша! — закричал он. — Р-Рыба, Р-Рак, Р-Растение!

— О, какой ты молодец, Борька, — похвалил его я. — Уже почти все буквы изучил.

— Ну, не все и не изучил, — покачала головой Элен. — Но мы на верном пути.

— Зато я уже начал немного говорить букву «Р», букву «Ц» и «Ш»! Жи-ши! — похвастался Борька.

За ним, высоко подняв распушенный хвост, скакал Валера — эти ребяташки явно спелись.

— Дядя Сережа, — выпалил Борька, — а мы будем с тобой учить Пивасика стишкам?

— Конечно будем, — сказал я. — Уже совсем скоро. Ты вон почти научился хорошо говорить, еще немножко доучишься — и возьмешься за Пивасика. А то онждет не дождетса.

— Я начну, — серьезно сказал Борька.

В это время скрипнула входная дверь, и появилась Полина Фролова.

— О, какие люди! — улыбнулась она. — А я только с ночной смены пришла. Лариса из отделения терапии взяла отгулы и уехала к дочери в Йошкар-Олу на новогодние праздники, аж до конца Рождества. Так мы теперь ее по очереди с девочками заменяем.

— Вы же устали, — сказал я. — Мы быстро закончим, пара минут — и не будем мешать вам отдыхать.

— Нет-нет, что вы! Занимайтесь сколько надо. Я же еще должна скот покормить и кое-какие дела по дому сделать, а уже потом лягу, посплю хоть немножко.

— Ой, мы же чуть не забыли про подарки! — спохватилась Элен, всплеснув руками, и отобрала у меня пакеты, которые я так и держал в одной руке.

Васька еще не ушел, так что подарки раздали при нем: ему беспроводные наушники, Оле набор девчачьей косметики — и вот тут визгу было на весь дом. Андрюшка был в школе, и его детские смарт-часы остались дожидаться хозяина на столе. Борьке досталась яркая коробка с конструктором «Лего», и он на радостях совершенно забыл, что надо заниматься, — принялся увлеченно ковырять мелкие фигурки. Еле-еле Элен призвала его к порядку, и они сели за стол.

Хозяйке дома Элен вручила небольшую коробочку, как я понял, с духами.

— А хотите чаю? — спросила меня Фролова, кивнув на занявшихся делом Борьку и Элен.

— Не откажусь, — согласился я.

Чаю с оладушками я уже попил в санатории, но с Полиной надо было побеседовать, а за общим столом любой разговор идет легче. Мы прошли на кухню, где на столе лежали крошки и стояла тарелка с остатками засохшей каши.

— Ольга! — возмущенно крикнула Фролова. — Это что такое? Сергей Николаевич пришел, а у нас тут, как в хлеву, срач!

— Ой! — Ольга влетела на кухню, зыркнула на меня, покраснела и схватила тарелку, но не удержала — та выскользнула и разбилась. — Ой!..

— Иди уже отсюда, горе луковое. Уроки учи! — вздохнула Полина и пояснила мне: — Оля у нас во вторую смену теперь.

— Так у нас уже все контрольные были, — обиженно протянула девочка.

— Ничего не знаю. Ты сочинение запорол, поэтому иди и готовься, — сурово отрезала Полина и выпроводила Олю из кухни.

— Вот такая у нас беда, — усмехнулась она. — Оля по всем предметам на отлично идет, а вот с учителем русского языка никак общего языка не найдет, вечно у нее там какие-то проблемы.

— Русский язык учить надо, без него нынче никуда, — согласился я.

Фролова тем временем ловко смела осколки веником на совок, высыпала их в ведро и принялась вытирать со стола.

— Как вы только все успеваете? — спросил я, покачав головой. — Четверо детей, дом, хозяйство, да еще работа.

— Ничего, я привыкла, — сказала Фролова и поставила чайник на плиту. — А как у вас дела, Сергей Николаевич? Вас давно не видно.

— Да вот в Москву ездил, надо было кое-какие вопросы с научным руководителем решить... — ответил я.

Немного рассказав ей о московских приключениях, я перевел разговор на главное:

— А что тут у вас? Ачиков как себя ведет, не донимает?

Фролова мгновенно поникла, кухонное полотенце выпало у нее из рук.

— Ох, Сергей Николаевич... Если бы вы только знали... Сильно достает, — сказала она, и тут ее словно прорвало.

Я слушал, кивал и мрачнел. Ачиков взъелся на Полину за ту самую операцию над сыном Беклемишева Игорем, которую я провел в больнице, и решил сделать ее крайней: уже инициировал большую комиссию из Йошкар-Олы — после Нового года приедет расследовать, и теперь Полине грозит увольнение.

— Вот так вот, — подытожила она свой печальный монолог и тяжело вздохнула. — И тринадцатой зарплаты меня лишили, и годовой новогодней премии тоже.

Она обиженно покачала головой.

— Деньги там хоть и небольшие, но все же прибавка. Лишняя копейка в общем котле никогда не помешает. Тем более к празднику ребятишек побаловать хочется.

— Ну это да, — кивнул я, прикидывая, что тут можно сделать. В доме у Фроловых было, как говорится, чистенько, но бедненько.

Мы еще немного поговорили о том о сем, и я спросил, как там Райка.

— Да заходит каждый день, — сказала Полина. — Сегодня с утра должна была заглянуть, я же с ночного, но у нее учеба. Она на санитарку ходит учиться. Я вам говорила.

— И как учеба у нее? — спросил я.

— Да нормально вроде.

— А в остальном? Пьет?

— Нет. Видно, конечно, что тяжело ей, но пока держится. Все ради Борьки. Только не знаю, надолго ли ее хватит. Такие люди сколько ни терпят, а срываются быстро.

— Есть у меня одна мысль по поводу Райки, — сказал я, не вдаваясь в подробности. — Рассказывать пока не буду, сначала с ней самой поговорю. Но есть вероятность, что пить она больше не будет. Вообще никогда.

Тут на кухню заглянула Элен.

— Ну все, мы с Борей закончили, — сказала она.

Мы распрощались с хозяевами и с Борькой, и я забрал счастливого Валеру.

— Какие у вас планы дальше? — спросила Элен, когда мы усаживались в машину.

— Сейчас отвезу Валеру в санаторий, а потом хотел съездить в дом престарелых, — сказал я. — Вы как, составите мне компанию?

— С удовольствием, — обрадовалась Элен. — Кстати, а почему мы не можем поехать сразу в дом престарелых? Зачем заезжать в санаторий?

— Ну, не думаю, что с Валерой меня туда пустят, — сказал я, вспомнив об отношении Ротозеева ко мне. — А в машине его оставлять не хочу. Обшивку жалко.

Валера после долгой разлуки держался возле меня с видом собственника и не отходил ни на шаг. Оставь я его в машине одного — и существование Прохора Евграфовича стало бы невыносимым, да и за состояние кресел я бы не поручился.

— Хорошо, — кивнула Элен и велела Прохору Евграфовичу ехать к санаторию.

Дома я отнес Валеру на кухню, радостно поведав тете Нине и Алене Петровне:

— Представляете, скучал он по мне, зараза!

Но обе женщины повели себя странно: отвели взгляды и промолчали.

Я отвесил челюсть, но не успел и слова сказать, как на пороге появился Виталик.

— Сергей... Николаевич... — Вид у него был торжествующий, и в каждом жесте сквозило еле сдерживаемое злорадство. С чего бы это?

— Слушаю вас, Виталий, — сказал я.

Тот покраснел, но сдержался.

— Пройдемте в конференц-зал.

— А у нас есть конференц-зал? — удивился я.

— Есть, — почему-то хихикнул он. — Что же вы, даже таких вещей о своем санатории не знаете? Впрочем, неважно. Идемте скорее!

— К чему такая срочность? Да и не могу я пока, у меня свои планы, — возразил я, потому что хотел хотя бы раздеться и пообщаться с Валерой. — Это разве не подождет?

— Нет-нет, надо прямо сейчас. — Все это Виталик проговорил с многозначительным и загадочным видом. — Идемте! Или все решат без вас, хе-хе...

Последние его слова заставили меня передумать.

Оставив Валеру на попечение какой-то загадочно понурой и молчаливой тети Нины, я бросил куртку прямо на стул и отправился вслед за Виталиком, гадая, что же он затеял.

Вернее, что они все затеяли. Потому что Система однозначно дала понять: тетя Нина и Алена Петровна чего-то боятся, а вот Виталик — торжествует.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.